

Марина Крамер
Умереть, чтобы жить
Серия «Королева преступных страстей»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11079866
Крамер, Марина. Умереть, чтобы жить : [роман] : Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-81730-6

Аннотация

Журналистка Вероника Стахова спокойно жила в Праге со своим маленьким сыном Максимом. В какой-то момент она поняла, что очень скучает по своей работе, и попросила старого приятеля, Игоря Яблокова, найти ей место в каком-нибудь издании в Москве. Работа нашлась моментально, и Вероника приехала в столицу, полная радостных ожиданий, оставив Максимку на попечение друзей. Она отлично вписалась в коллектив и в творческий процесс, но тут Алексей Бальзанов, владелец компании, которой принадлежало интернет-издание, поручил ей расследовать смерть жены своего партнера Сергея Луцкого, Натальи. С этого момента спокойная жизнь Стаховой закончилась: за ней кто-то постоянно следил, в квартиру влезли злоумышленники, на любимого мужчину напали... Вероника стала частенько задумываться: а стоило ли вообще возвращаться к работе?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	30
Глава 9	34
Глава 10	40
Глава 11	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Марина Крамер

Умереть, чтобы жить

© Крамер М., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

– Кого мне напоминает эта рыжая телка?

– Какая?

– Да сидела на совещании рядом с Филоновым – крупная такая, волосы рыжие до плеч.

– Понятия не имею. Мне кажется, я ее раньше не видел.

– Ты-то, может, и не видел, а у меня в мозгу как будто дрель включили – ну, точно знаю ее, а вспомнить не могу.

– Далась тебе эта девка! Обычная журналистка, таких полно в Москве, причем есть куда более симпатичные и точно меньших размеров.

– Нет, погоди... я никогда просто так не зависаю на чем-то, понимаешь? И у меня совершенно определенное чувство, что я ее знаю и что от нее будут неприятности. А это не ее ли наш куратор рекомендовал?

– Вроде да, а что?

– Да не знаю. Мне все, кого он рекомендует, кажутся странными какими-то. И почему со мной-то никто не посоветовался хотя бы?

– А не было тебя на месте, вот и все. А утверждать надо было срочно, штат еще не полностью укомплектован, Филонову работники нужны.

– Ну-ну.

Человек вышел, затылком ощущая сверлящий взгляд компаньона. Едва закрылась дверь, хозяин кабинета взялся за телефонную трубку:

– Ты был прав. Он задержался. Я даже не знал, что эта девка твоя такая известная.

– А вы просмотрите на досуге список ее статей – сразу все поймете. Заодно и подумаете, нет ли чего такого, куда ей соваться не следует.

– Думаешь, она так серьезно может заинтересоваться?

– В том-то и дело. Я же вас сразу спросил – с какой целью вы ее хотите взять. Но поверьте – если я посоветовал взять эту девушку, значит, могу за нее ручаться. Она раскрутила аферу в «Изумрудном городе», если вам это о чем-то говорит.

Хозяину кабинета это говорило о многом. И не совсем о том, о чем было бы приятно думать. Но как раз это и давало надежду на то, что дело, ради которого он брал сейчас на работу эту девушку, будет раскручено так, как нужно лично ему.

Глава 1

Возвращение

*Пока повторяла я
О кукушка, кукушка!» –
Рассвет уж наступил.*

Тутё

Прага хороша стабильностью. Ника поняла это, прожив здесь два с лишним года. Это та самая стабильность, которая делает существование необременительным, легким и спокойным. Каждое утро начинается одинаково – с тонкого луча, пробивающегося через желтую газовую штору на скошенном окне мансарды. Встать, подойти к окну, взять стоящую на подоконнике лейку, если дело происходит весной и летом, открыть створку и полить цветы в ящике. На цыпочках подойти к кровати, убедиться, что сын еще не проснулся, мерно посапывает, раскинув в стороны ручки с крепко сжатыми кулачками. Выйти из спальни, плотно закрыть за собой дверь, постоять под душем и заняться варкой кофе, одновременно прислушиваясь к бормотанию диктора, читающего новости по телевизору. Чешский стал почти родным, благо одна языковая группа, так что особенных сложностей не возникло. Устроиться на диване с чашкой кофе и ноутбуком, просмотреть почту, новости из России, пробежаться по любимым сайтам – а там, глядишь, проснется сын и начнутся другие заботы – сварить кашу, подогреть молоко, умыться и переодеть мальчика, усадить за стол в высоком стульчике, дать ложку и наблюдать, как он завтракает. Потом немного поиграть с ним, собраться на прогулку, на обратном пути зайти в супермаркет за продуктами, приготовить обед, уложить сына на дневной сон – и так каждый день. Нет, это не день сурка вовсе, такая жизнь Нику вполне устраивала. Если бы не одно но.

Деятельная и шустрая от природы, Ника Стахова оказалась в чужой стране без работы, хотя и с деньгами. И если первое время, пока ходила беременной, рожала и растила Максимку, это не было проблемой, скорее наоборот, то теперь, когда мальчик достаточно подрос, наличие свободного времени стало тяготить Нику. Ей хотелось писать – как прежде, занимаясь журналистскими расследованиями и немного – сферой недвижимости. И именно сегодня утром это желание стало особенно острым, таким, что преодолеть его Стахова просто не смогла.

Скука, рутина, тоска – именно эти слова пришли на ум сегодня, едва Ника открыла глаза. Ей хотелось драйва, движения какого-то, интриги – всего того, что в избытке имелось в ее прошлой журналистской жизни. Хотелось риска, связанного с расследованиями, возможности закручивать интригу, искать доказательства и строить умозаключения. Вероника ухитрялась делать это виртуозно, а легкий слог и умение написать интересно даже о, казалось бы, довольно скучных вещах всегда делали ее заметной в журналистской среде. Разумеется, в Праге это было невозможно. Но вот в России...

У нее был единственный шанс попытаться вернуться в журналистику – Игорь Яблов, давний друг и бывший парень. Это был, пожалуй, тот редкий случай, когда Ника рассталась с молодым человеком по-дружески, оставшись в прекрасных отношениях. Они часто помогали друг другу в Москве, куда переехали из родного Омска в разное время. Игорь, работавший в одном из крупных медиахолдингов, очень ценил Нику как журналиста, а его протекция всегда имела вес в журналистской среде.

После обычных формальностей в стиле «как живешь, как дела, давно не созванивались» Ника со свойственной ей прямоотой сразу перешла к делу.

– Тебе что, так срочно нужна работа? – удивленно спросил Яблоков. – Как я понял, ты внезапно стала богатой вдовой, разве нет?

Ника вздохнула:

– Вот ты вроде умный человек, Игореша, а иной раз такую чушь в эфир выдаешь, что стыдно слушать. Я даже замужем не была – как могу остаться вдовой?

– Ну, сына же ты родила? – не сдавался Яблоков.

– Сына – родила, а замуж так и не вышла. Какие еще подробности моей личной жизни тебя интересуют? – начиная злиться, спросила Ника, стараясь все-таки удержаться от хамства, – без связей Яблокова ее, прожившую три года в Чехии, работать в российское издание не возьмут.

– Подробности мне не нужны. Но ходил упорный слух, что Гавриленко успел куда-то перевести все средства, которые у него имелись к тому дню, как случилась эта авария.

Авария... Меньше всего Нике хотелось вспоминать обстоятельства гибели Максима. И деньги, которые он действительно перевел на счета в зарубежных банках на ее имя, она не трогала. Выделила для себя и сына сумму, достаточную, чтобы жить в Праге, ни в чем себе не отказывая, но без особых излишеств, а к остальному просто запретила себе прикасаться. Хотела, чтобы сын, когда вырастет, сам распорядился этими средствами – он имел на них право по рождению. Единственный сын погибшего олигарха Максима Гавриленко...

Правда, отец Максима, Алексей Павлович, буквально измором убедил Нику открыть небольшое агентство, занимавшееся арендой и продажей недвижимости в Чехии. Рынок нашелся быстро – Россия. Интерес к этой стране был довольно высоким, и Ника, наняв трех агентов, секретаря и курьера, стала немного зарабатывать, не прикасаясь больше к основному капиталу.

– Игорь, мне трудно говорить на эту тему. Денег у меня нет – в том смысле, который ты в это вкладываешь. Да, я не стою на паперти, держа на руках синюшного от голода младенца, но и покупать бриллианты и яхты мне не на что. Так понятно?

– В Россию вернуться хочешь?

Ответа на этот вопрос у Ники тоже не было. Не то чтобы она страстно мечтала вернуться в Россию – ей и в Праге было хорошо. Но сидеть без нормальной работы тоже надоело. Претендовать на место журналиста в Чехии она не хотела и не могла – все-таки ее чешский был не настолько идеален, чтобы писать на нем статьи о недвижимости. Да и что она об этом знала? Только то, как попытаться продать что-то интересующимся русским покупателям или помочь туристам снять что-то на определенный срок за не особенно большие деньги. В идеале ей нужна была работа «на удаленке», что-то вроде фриланса – без необходимости походов в офис, но Ника понимала, что сейчас находится не в той ситуации, чтобы выбирать или диктовать условия. Значит, придется согласиться на все, что сможет предложить Яблоков.

– Ты сможешь в Москву приехать? – изрек наконец Игорь после паузы. – У тебя же вроде двойное гражданство теперь?

– Да, двойное. Только мне надо сына с кем-то оставить – не хочу мучить перелетами. Но это я решу.

– Значит, давай так... Пары недель хватит?

– Нет. Не меньше месяца, – вздохнула Ника, чувствуя, как вакансия уплывает из-под носа.

– Ну, это нормально. Дело в том, что у меня один знакомый сейчас устроился в только что запущенный проект. Одна немаленькая и небедненькая фирмочка решила завести собственное интернет-СМИ. Ну, вот такая прихоть у них. Со временем хотят телевидение, канал и все такое – в общем, планы громадные. Главным редактором там один очень хороший человек, на досуге поинтересуйся – он известный в Сети персонаж. Зовут его Федор Фило-

нов. Ну, вот мой знакомый к нему и устроился, они как раз команду заново набирают, с нуля практически. И им все равно – мужик ты или баба, главное – чтобы писать умела и хотела работать. Резюме же есть у тебя?

– Конечно, есть. И примеры работ я тебе тоже пришлю.

Яблоков захохотал:

– Да есть у меня кое-что из твоих работ, даже в нескольких вариантах.

Ника снова вздохнула. Самая последняя ее работа – огромная статья-расследование деятельности вице-президента компании «Изумрудный город», которую возглавлял в свое время Гавриленко. Ника написала ее уже после гибели Максима – хотела отомстить, не дать виновным в его смерти уйти безнаказанными. Эффект получился немного не тот, на который она рассчитывала, но все равно вышло неплохо – троих арестовали и осудили на большие сроки, а главный фигурант, крестный отец Максима Иван Никитич, успел отравиться цианидом, но статья наделала много шума. Как, впрочем, и вышедшая чуть раньше статья о деятельности бывшего любовника Ники, главного редактора газеты «Столичный хроникер» Артема Масленникова. Собственно, к появлению этой статьи тоже был причастен Гавриленко – Масленников, получивший крупную сумму денег, пытался опорочить его имя и еще втянуть в это саму Нику, но она сумела вывернуться и предупредить Максима. Артем Масленников погиб в Америке, куда уехал, опасаясь преследования. Ника старалась об этом тоже не думать, как и о смерти Максима.

– Если необходимо, можешь это тоже показать, – сказала она, – но я так понимаю, что мне нужно будет с кем-то встречаться?

– Да – с Филоновым. Он любит сам разговаривать с потенциальными сотрудниками. Но ты не бойся – говорят, что он очень адекватный, хоть и требует жестко.

– Да я как-то не боюсь, – Ника пожала плечами и потянулась к пачке сигарет на подоконнике.

Она вновь начала курить пару месяцев назад, правда, делала это нечасто. Сигарета помогала ей сосредоточиться и настроиться на рабочий лад.

– Ну, и молодец, – заключил Яблоков. – Давай тогда так договоримся – ты решаешь свои проблемы, устраивай мальчика, а я пока передам все твои материалы Филонову. Он посмотрит и назначит встречу. Или не назначит – все может быть.

Ника это прекрасно понимала. Ситуация в журналистике сложилась такая, что рабочих мест оказалось куда меньше, чем желающих их занять, и даже именитые журналисты зачастую оказывались без работы и перебивались «джинсой» и прочей «заказухой», чтобы как-то выжить. И вполне могло выйти так, что этот самый Филонов не найдет в ее статьях ничего интересного или подходящего для его издания, и тут ничего не поделаешь, нужно просто быть готовой.

Попрощавшись с Игорем, Ника отложила телефон и задумалась. Вернуться к тому, чем она занималась до рождения сына, очень хотелось. Профессию она любила, отдавалась делу полностью, умела взять интервью и написать хорошую статью-расследование, умела разговорить практически любого человека и потом подать его в любом свете – как требовала политика издания. Но за три года, проведенных в Чехии, она все-таки слегка отвыкла от российских реалий. А там сейчас совершенно иная жизнь, чем та, которую она помнила. Алексей Павлович, например, много лет не был на родине и не стремился туда, хотя Ника пару раз заговаривала с ним об этом.

– Нет, Никуша, я придерживаюсь правила – никогда не возвращайся в прежние места, – отмахивался он. – Да и к кому ехать, куда? Вся моя родня здесь – ты и внук. Друзья, как ты понимаешь, отвернулись в тот момент, когда я решил не возвращаться. Так какой смысл ехать куда-то?

– Разве вам неинтересно? – приставала Ника, если видела, что старик не против этого разговора.

– Нет, – абсолютно серьезно отвечал Алексей Павлович, – мне гораздо интереснее здесь, с вами. У меня появился смысл в жизни – хочу увидеть, как внук в школу пойдет.

– Ну, это вы точно не пропустите.

Но в ответе Ники было все меньше уверенности – сердце бывшего военврача находилось в довольно плачевном состоянии, и ее это очень беспокоило, но Алексей Павлович отмахивался всякий раз, когда она заводила разговор о том, чтобы лечь в больницу.

Разумеется, о том, чтобы оставить маленького Максима на попечении бабушки даже на неделю, речи быть не могло. Конечно, Алексей Павлович справится, но Ника понимала, что не сможет чувствовать себя нормально, постоянно думая о том, как они здесь вдвоем. О том, чтобы попросить приехать свою мать, она тоже не думала – та ни за что не пойдет навстречу дочери и не бросит молодого супруга ради внука, которого она ни разу не видела, разве что на фотографии. Алексей Павлович ошибся, говоря о том, что со временем отношения Ники с матерью наладятся – этого не произошло. Стахова сделала над собой усилие и после родов позвонила матери. Вместо поздравлений и радости по поводу появления на свет внука та обрушила на дочь лавину упреков. Ника не стала выслушивать, поступила так, как делала всегда: вежливо попрощалась и положила трубку. Так что рассчитывать на помощь матери не приходилось.

Оставался только один возможный выход – Ирина и Иржи, ее друзья здесь, в Праге. Ирка вообще была ее единственной подругой еще с детства, они никогда не теряли связи, даже когда Ирина перебралась жить сперва в Испанию, а потом сюда, в Прагу. Ника до сих пор считала себя виновной в том, что три года назад Ирина едва не погибла в ее квартире при взрыве газа, потеряла зрение и вот уже который год периодически ложится в клинику пластической хирургии для пересадки кожи. Подруга, однако, так не считала – у нее была своя теория насчет «кирпича, падающего с крыши в строго назначенное время», и потому всякий раз она злилась на Нику, заводившую разговоры о своей вине.

– Вот к чему это ворошить? Со мной все практически в порядке, – говорила Ирина, беря Нику за руку, – лицо уже почти совсем починили, один глаз немного видит – значит, и второй со временем тоже хоть чуть-чуть восстановится. Я научилась с этим жить. И не вижу причин для твоих терзаний.

Переубедить подругу Нике никогда не удавалось.

Она любила бывать в их с Иржи доме – уютном, светлом, обставленном белой мебелью. Маленький Максим тоже с удовольствием ходил в гости – Иржи посвящал ему все свое свободное время, так как был лишен возможности общаться с собственными детьми. Его жена вновь вышла замуж и уехала из Чехии, а Иржи, сильно тосковавший по дочкам, переносил свою любовь на сына Ники. Получалось, что иного выхода, кроме как попросить друзей об услуге, у нее нет, а друзья совершенно точно не откажут.

Сын проснулся и требовал внимания. Ника вошла в детскую, переделанную из кабинета, и улыбнулась: Максимка стоял в кровати, зажав под мышкой плюшевую собачку, а свободной рукой давил на кнопку звонка, прибитого рядом с кроватью на стеллаж. Это было изобретением Алексея Павловича – квартира у Ники просторная, и не всегда она могла услышать, что ребенок проснулся, а Максим при помощи деда быстро научился нажимать кнопку звонка.

– Ну что – уже выспался? – улыбнулась Ника, беря сына на руки. – Будем пить молоко с печеньем и потом пойдем гулять?

Сын улыбался и кивал, крепко обняв ее за шею, и Ника, как обычно, ощутила острый приступ тоски – ее мальчик никогда не увидит своего отца, никогда не узнает, каким он был.

Усадив Максима в высокий стульчик, Ника поставила перед ним кружку с молоком и блюдо с овсяным печеньем, села напротив и снова задумалась. Она никак не могла понять, с чего вдруг позвонила Яблокову и попросила помочь с работой. Просто сегодня утром, проснувшись, она вдруг ощутила непреодолимое желание вернуться в журналистику и хоть немного оживить свою повседневную жизнь, начавшую походить на пресловутый День сурка. Вот так – внезапно, ни с того ни с сего.

– Алло, вы просили посоветовать вам журналиста, способного быстро и, главное, результативно провести расследование?

– А, это ты... Да, просил. Неужели нашел?

– Нашел. Такая удача, даже сам не ожидал. Звонит знакомая, просит помочь – вот тут я и вспомнил о нашем разговоре.

– Женица?

– А вы что-то имеете против?

– Нет, но...

– А вот вы не сомневайтесь. И потом – мне кажется, что в вашей ситуации как раз женица больше подойдет. Так что – могу звонить Филонову?

– Хорошо. Звони. И это... обойди как-то Вересаева, хорошо? Он пока не должен знать.

– Не представляю, как именно. Он все-таки ваш представитель в редакции.

– Это не мои проблемы. Придумай что-нибудь, но Вересаев пока не должен быть в курсе.

– Хорошо, я попробую.

Глава 2

Многие перемены – многие хлопоты

*Тому, кто принял
одежду из мха,
не о чем сожалеть.*

Сёхаку

В последних числах мая Ника, оставив сына на попечении Ирины и Иржи, наконец-то собралась в Москву. Планировалось, что она уедет на месяц – решит все вопросы по трудоустройству и определится с тем, как именно сможет работать. Если придется, то снимет квартиру в Москве и вернется за сыном. Правда, Иржи настаивал на том, чтобы сначала Ника как следует устроилась сама, а уж потом забирала Максима.

– Подумай хорошо – тебе ведь непременно нужна будет няня, не сможешь ведь ты брать Макса с собой на работу? И в детский сад ты его тоже вряд ли устроишь без московской прописки. А у нас ему будет хорошо. Мы летом собирались на море, могли бы и его с собой взять.

– Мне и так неудобно, что я оставляю вам такого маленького ребенка, а ты еще про море заговариваешь, – смущенно сказала Ника, которую такой вариант, конечно, устраивал больше, чем перспектива оставлять сына с совершенно незнакомой няней.

Иржи, взъерошив и без того лохматые кудрявые волосы, покачал головой:

– Ника-Ника, когда ты перестанешь выдумывать условности? Если я предлагаю тебе что-то, значит, я все обдумал, взвесил, оценил свои возможности и принял решение, ведь так? Кроме того, когда Макс у нас, Ирине гораздо лучше, она чувствует себя нужной. Я ведь даже купил для нее книжки по Брайлю, сказки – чтобы она могла читать их Макс у без моей помощи.

Это было неожиданно и так трогательно, что Ника едва не заплакала – почти полностью ослепшая Ирка выучила азбуку Брайля и теперь собиралась читать Максиму книжки....

Стахова порывисто обняла Иржи и пробубнила, уткнувшись носом ему в плечо:

– Иржик, спасибо тебе огромное... Ты даже не представляешь, как вы меня выручите.

Иржи погладил ее по спине:

– Не плачь. Мы любим твоего мальчика, нам с ним совсем не тяжело, наоборот. Мы с удовольствием присмотрим за ним столько, сколько тебе будет надо. И попроси Алексея Павловича, чтобы он в любое время звонил или приезжал к нам, хорошо? Я знаю, что ему будет не хватать внука, а беспокоить нас он постесняется – эти ваши русские условности.

Ника вытерла глаза и улыбнулась:

– Хорошо, я передам. Спасибо, Иржи.

– Привези из Москвы икру, – улыбнулся в ответ приятель, – очень люблю русскую икру.

– Обязательно.

Она улетела субботним утром, чтобы быть в Москве к обеду. На первое время у нее была бронь в гостинице, а потом Ника рассчитывала снять жилье поближе к работе, чтобы не тратить много времени на переезды. Уже неделю ее телефон разрывался от звонков риелторов, предлагавших квартиры в разных районах и по очень разным ценам. Сидя в аэропорту Праги в ожидании рейса, Ника успела даже назначить пару просмотров на сегодняшний вечер – чувствовала в себе удивительную энергию и жажду действия.

Рейс был прямой, без пересадок, и через три часа Ника уже спускалась по трапу в Домодедово. Пройдя таможню и получив багаж, она заспешила к платформе аэроэкспресса.

Заняв место, Ника наконец выдохнула и немного расслабилась. Перелеты всегда нервировали ее, хотя летать она никогда не боялась. Просто вся эта околополетная суета, багаж, таможня...

Аэроэкспресс тронулся, и Ника уставилась в окно на мелькавшие деревья. Три года она не была в Москве... Казалось, за это время она успела забыть, как тут все устроено, даже воздух казался другим. Несмотря на то что была суббота, в центре оказалось многолюдно, Павелецкий вокзал напоминал муравейник, а на площади перед ним то и дело выкрикивали маршруты водители пригородных автобусов. У Ники слегка закружилась голова, она остановилась, вынула сигареты и закурила.

– Черт возьми, я и забыла, как здесь суетно, – пробормотала она, убирая зажигалку.

До гостиницы она добралась быстро, заселилась в небольшой номер на третьем этаже, наскоро вынула из чемодана то, что могло понадобиться на первое время, и пошла в душ. Смыв дорожную усталость, почувствовала себя лучше, даже захотелось выпить кофе и что-нибудь съесть – Ника вспомнила, что последний раз ела в аэропорту Праги.

– Ну, что ж, пойдем, пройдемся по местам, так сказать, боевой юности, – подмигнув себе в зеркале, сказала она и, прихватив джинсовую куртку, вышла из номера.

Гостиницу она специально выбрала именно эту – совсем недалеко находилось здание «Столичного хроникера», в котором Ника работала до встречи с Максимом Гавриленко, здесь же располагался дом, в котором она много лет снимала квартиру. Этот район был изучен вдоль и поперек, но сейчас, идя по улице, Ника ловила себя на том, что не узнает многих мест. Появились пешеходные зоны там, где раньше спокойно ездили машины, – Ника сама всегда предпочитала ездить именно там, тут и там возникли новые кафе и закрылись те, которые она знала. Единственное, что осталось неизменным, это суета и многолюдность – центр Москвы, пять минут до Кремля. Ника зашла в довольно просторное кафе, выбрала столик у окна, на подоконнике которого располагались клетки с декоративными кроликами, и, пока ждала заказ, рассеянно наблюдала за тем, как зверьки перемещаются то в барабане, то просто по клетке.

– Прошу вас, – маленькая черноволосая девушка поставила перед Никой тарелку грибного супа с таким умопомрачительным запахом, что Стахова едва не прослезилась, – картофельное пюре и котлетки будут чуть позже. Приятного аппетита.

Ника с удовольствием съела и суп, и второе, выпила чашку кофе, пожалев, что в Москве неожиданно запретили курить в заведениях. В Чехии никто на эту тему даже не задумывался и разделения на курящую и некурящую зоны в кафе и ресторанах не существовало. Телефонный звонок застал ее за попыткой вынуть карту из кармашка сумки – это звонила девушка-риелтор, с которой они договорились посмотреть квартиру.

– Если вам удобно, то я готова встретиться, – сказала Ника, вкладывая карточку в папку со счетом, и записала адрес.

Квартира находилась рядом, но дом Нике не понравился с первого взгляда, и совсем не потому, что это оказалась «хрущевка» – просто бывает такое ощущение, что это не твое место и энергетически тебе там плохо. Квартира тоже не произвела впечатления и выглядела немного запущенной и довольно неаккуратной.

– Нет, за эти деньги я хотела бы все-таки что-то более свежее, – категорично заявила она риелтору, и девушка закивала:

– Да, я понимаю, понимаю... Но можно попробовать чуть снизить цену за счет ремонта.

– Вы не поняли – я не собираюсь делать здесь ремонт. Мне нужна квартира, в которой я смогу жить сразу, без дополнительных танцев с бубном по строительным магазинам. Если

можете предложить что-то подобное – будем работать, если нет – пожалуйста, не звоните мне больше, хорошо?

Риелтор кивнула. Ника вышла и начала спускаться по лестнице, когда девушка окликнула ее:

– Вероника, подождите, пожалуйста. Я сейчас позвоню своей подруге, она как раз сдает квартиру. Там, правда, дорого, но зато можно заезжать и жить. Она редко сдает эту квартиру и только проверенным людям, но если я попрошу...

– Хорошо, позвоните, я пока покурю.

На улице Ника села на лавку, вынула сигарету и закурила. «Интересно – «дорого» – это как теперь в Москве выглядит, в каких цифрах?» – подумала она, покачивая ногой в плетеной босоножке.

Из подъезда вышла риелтор, тоже села рядом с Никой и закурила.

– Сейчас она подойдет к дому, покажет вам квартиру.

– Спасибо.

– Да не за что. Цена на самом деле довольно высокая.

– Сколько?

Риелтор назвала сумму, и Ника облегченно выдохнула – да, недешево, но она могла себе это позволить, лишь бы квартира оказалась хорошей.

И она именно такой и оказалась. Ника не могла поверить своему счастью – найти такую квартиру так быстро. Она заключила договор с невысокой стройной блондинкой с гладко убранными волосами и идеально ровной спиной, передала требуемую сумму и получила два комплекта ключей.

– Если вам что-то понадобится, то звоните, я живу рядом, – проинструктировала блондинка. – Соседи здесь хорошие, шумно не бывает, на лестничной клетке всегда чисто.

– Спасибо. Я перевезу вещи завтра.

– Как вам угодно. Телефон мой есть, в общем, если что – звоните.

Они распрощались, и хозяйка ушла, а Ника вышла на балкон. Вид завораживал, хотелось распахнуть все створки и сидеть на балконе, пока не стемнеет.

– Ну, одним делом меньше, – удовлетворенно пробормотала Ника, выходя из квартиры и направляясь к лифту, – можно звонить Яблокову и просить, чтобы переговорил с главредом.

Собеседование ей назначили на вторник, Игорь позвонил в субботу поздно вечером и подробно рассказал, куда именно и во сколько она должна подъехать. Расстроило Нику только место, где располагалась редакция сайта «Русская Галактика», – Марьино Роца. Придется пользоваться общественным транспортом, потому что расстаться со снятой квартирой она не сможет – настолько там оказалось хорошо и как-то совсем «по-никиному».

– Ничего, это не такая большая проблема, – утешала себя Стахова утром в воскресенье, готовя завтрак на небольшой, но очень уютной кухне, – подумаешь – метро, ездят же как-то люди, ну, и я поезжу.

Когда она уже заканчивала завтракать, снова позвонил Яблоков и огорошил новостью:

– Слушай, Никуся, Филонов только что звонил, приглашал тебя в петанк поиграть. Там недалеко от тебя, сквер на Бахрушина знаешь?

– Ну знаю, – в памяти что-то зашевелилось, что-то такое... знакомое... – а ты пойдешь?

– Да, я всегда с ними играю, сегодня вторая игра сезона, как раз в прошлые выходные открыли. Если хочешь, заеду за тобой – у тебя есть где машину бросить?

– Да, есть. Сколько тебе времени нужно? Я совершенно не собрана, полночи вещи разбирала, хоть их не особенно много.

– Успеешь собраться, начало в четыре – и до темноты, приходить можно хоть весь день, – успокоил Яблоков, – так что жди, часика через полтора-два я подскочу.

Ника положила трубку и направилась в комнату, на ходу соображая, что бы такое надеть. День был теплым, солнечным, но игра все-таки не располагала к платьям и юбкам, нужны джинсы.

– Где же я уже слышала про этот петанк, и почему мне знакомо место, где в него играют? – бормотала Ника, доставая гладильную доску и утюг, чтобы погладить легкие голубые джинсы и ярко-синюю футболку-поло. – Вертится в голове что-то, а поймать никак не могу...

Вода утюгом по брючине, Ника все не переставала думать и наконец вспомнила:

– О, а ведь правда! В тот день, когда Маслеников в Америку улетал, я шла к Павелецкому вокзалу мимо этого сквера, а там как раз играли. Еще парень был такой невысокий, в татуировках весь... и мужчина... – она даже ногой затопала в нетерпении, пытаясь воскресить в памяти имя, потому что была уверена, что знает его. – Точно! Филонов же! Огороды он еще разводил, кажется... Выходит, я знаю будущее начальство в лицо, и это уже неплохо...

Настроение у Ники значительно улучшилось – теперь она довольно отчетливо вспомнила, как именно выглядит ее будущий начальник, и эти воспоминания успокоили ее. Филонов показался ей адекватным, а вся информация, что она видела о нем в интернете, давала надежду на то, что главный редактор еще и умен, образован и интересен как личность. С такими Нике всегда работалось легко – она не любила людей без кругозора, считала, что журналист обязан много читать и постоянно как-то совершенствовать свою манеру письма.

К приезду Яблокова она уже совсем успокоилась, оделась, собрала волосы в пучок и даже успела пробежать глазами пару статей в интернете с описанием правил игры в петанк, о котором имела весьма отдаленное представление.

– Да ты не волнуйся, там ребята всех желающих в пять минут обучают, – говорил Яблоков, когда они шли в сквер, – я тоже не умел, сперва просто так приезжал, посмотреть. А потом втянулся как-то. Азартная, между прочим, игра, сама увидишь.

– А что за компания собирается?

– Всех понемногу – журналисты, блогеры, сетевые разные персонажи. Кто-то друзей приводит. А «Русская Галактика» играет почти полным составом, у них это вроде корпоративной игры. В общем, скучно точно не будет.

«Ну, что ж... будем вливаться в коллектив», – со вздохом подумала Ника, не особенно любившая командные игры. Однако если она хочет попасть и удержаться в редакции, придется идти на компромиссы.

– Я одного не пойму – мы зачем вообще связались с этим сайтом, а? Нам деньги некуда девать?

– Поймешь потом. Всегда хорошо иметь свое карманное СМИ, которое будет представлять твои интересы. Сейчас вложимся немного, потом рекламой будем отбивать. Я планирую вывести их хотя бы в тройку читаемых новостных сайтов, а там будет видно.

– Все равно не понимаю...

– Говорю же – не вникай пока. Дальше сам все поймешь.

Глава 3

Разношерстная компания

*Бумажный мусор
Цветами пиона прикинулся
Под сенью листвы.*

Исса

Первая мысль, пришедшая Нике в голову, едва она увидела собравшихся в сквере, была: «Боже мой, кто все эти люди, и главное – что объединяет их?»

Компания действительно оказалась разношерстная – как по возрасту, так и внешне. Были совершенно маргинального вида молодые парни и девочки, пол которых Ника даже не сразу смогла определить – настолько они оказались одинаковые. Были вполне солидные люди в дорогой одежде, переговаривавшиеся между собой по-итальянски. Татуированный парень, которого Ника вспомнила, тоже был – единственный, кто пришел в шортах и футболке с короткими рукавами, в то время как остальные были в джинсах и рубашках или водолазках. Основная масса людей была знакома между собой, они обменивались шутками, то и дело фотографировались и, видимо, тут же выкладывали снимки в соцсети. И заправлял всем этим базаром Федор Филонов – высокий, крупный мужчина с седыми висками, одетый в тонкую брусничного цвета водолазку и темно-синие джинсы. Он объяснял правила, формировал команды, перемещался от одних к другим и успевал играть сам. Яблоков сразу направился к нему, крепко взяв Нику за руку. Стахова почему-то занервничала – как будто боялась, что от этого разговора зависит все в ее жизни, а ведь Игорь сказал, что это всего лишь приглашение к знакомству, не имеющее ничего общего с собеседованием.

– Здравствуй, Федя, – протянув руку, поздоровался Игорь, и Филонов, как раз закончивший броски, с улыбкой ответил на рукопожатие:

– А, Игорь! Хорошо, что приехал. Играть будешь?

– Да, хотелось бы. Вот, познакомься, это Ника. Вероника Стахова, – Игорь чуть дернул Нику за руку, и она сделала пару шагов навстречу Филонову.

Тот окинул ее быстрым взглядом и представился:

– Федор, очень приятно. Вы, значит, та самая Вероника, что хочет работать у нас?

– Хотелось бы попробовать.

– Отлично. Тогда жду вас во вторник, посмотрим ваше резюме и список статей, я дам небольшое задание. Но думаю, что вы пройдете тест с легкостью, если все, что рассказывает Игорь, правда.

Ника бросила взгляд на Яблокова, тот улыбнулся ободряюще.

– Не знаю, что рассказывает Игорь, но я постараюсь. А теперь – вы научите меня играть? Я только теорию просмотрела.

– Конечно. Это просто, – Филонов нагнулся и взял лежащий у его ног серебристый шар, – вот, держите.

Ника взяла шар и едва не уронила – оказалась не готова к тому, что он имеет довольно приличный вес, хотя выглядит маленьким.

– Держите крепче, – улыбнулся Филонов, – а бросать нужно кистью, вот так, – он взял еще один шар и показал движение. – Цель – вон тот маленький шарик, кошонет. Как можно ближе нужно установить свои шары. Кто больше набрал – тот и выиграл. Все просто.

– Действительно...

– Потренируйтесь пока бросать, сейчас партия закончится, и будем команды переформировывать.

Ника отошла чуть в сторону, зажав в руке тяжелый шар, и начала бросать его. Сперва выходило не очень – шар либо улетал слишком далеко, либо падал камнем прямо у ног. Ника посмотрела по сторонам – у каждого бросавшего была своя манера делать это, и она поняла, что придется найти собственную, удобную лично для нее. Яблоков стоял рядом, курил и подсказывал, однако Ника не особенно прислушивалась к его советам. Куда больше заинтересовали ее два парня с рюкзаками, явившиеся только что. На них были майки с принтами одной скандально известной женской панк-группы, и это сразу бросалось в глаза. Парни были чуть моложе ее, один – с бородкой, среднего роста, второй – высокий, худощавый, темноволосый, с серьгой в ухе. Руки его украшали многочисленные татуировки в виде звезд и переплетений колючей проволоки. «Не тюремные, так – понты», – определила Ника. Парни сбросили рюкзаки в общую кучу на газоне и подошли к Филонову. Тот обрадовался, пожал им руки, заговорил о чем-то.

– Кто это? – спросила Ника у Игоря, и тот презрительно скривился:

– Отстала ты, мать, от жизни. Маленький – Тряпичников, художник-авангардист из Сибири откуда-то. Маечки-то явно по его дизайну наляпаны. А второй – Лешка Цепляев. Анархист какой-то, что ли. Вечно лезет туда, где жареным несет, то в политику кидается, то еще куда. Таким все равно с кем бороться – такая вечная оппозиция.

– А чего у тебя лицо такое, как будто ты таракана проглотил?

Яблоков сморщился еще сильнее:

– Не люблю я эту шатию-братию. Повывлезали... Что демонстрируют – непонятно. А Федя вроде как Цепляева к себе в редакцию взял.

– Н-да, компания подбирается – от слова «обалдеть», – пробормотала Ника.

– Там полная демократия, никакой цензуры, вот и лезут, – проворчал Игорь. – Ну что, потренировалась? Пойдем играть тогда.

– Я не понимаю, зачем мы сюда приехали. Чувствую себя идиотом, как будто в детстве в шпионов не доиграл.

– Что ты жалуешься постоянно? Поди – плохо, сидим в машине, кофеек, сигаретки, то-се... Ну, снимаем играющих в мячики лохов, трудно тебе?

– Мне-то не трудно, просто не понимаю зачем.

– Она... А вот и полиция... Так, братан, давай-ка валить отсюда.

Машина тронулась с места и, постепенно набирая скорость, двинулась прочь от сквера.

Глава 4

Берегись ближнего своего

*И справа и слева одновременно стоять нельзя.
Японская мудрость*

Неожиданные гости в полицейской форме появились сразу с двух сторон, и игроки не сразу поняли, что это к ним. Филонов, поднявшись с корточек, удивленно наблюдал за тем, как подошедшие сотрудники уверенно выбрали себе жертв – известного правозащитника Тимура и Васю Терещенко, написавшего некогда программу для подсчета людей, приходящих на митинги и прошедших через рамки металлоискателей.

– На основании чего? – донесся до Ники голос Тимура и ответ полицейского:

– Вы находитесь в общественном месте в состоянии наркотического опьянения.

– Чего?! – почти фальцетом отозвался Тимур.

– Вот сейчас проедем на экспертизу, там и поймете – чего, – невозмутимо заявил полицейский, крепко ухватив маленького Тимура за рукав ветровки. – Ведете вы себя неадекватно – это кто угодно подтвердит. Приседаете с какими-то шарами – это что, по-вашему, нормально? Нет, это довольно странное поведение, характерное для людей, употребляющих наркотические вещества, – вокруг громко захохотали, но полицейский не обращал внимания. – Где ваши вещи?

Ника невольно перевела взгляд на кучу рюкзаков, сваленных на газон, и заметила, как от нее отходит незнакомый человек в спортивном костюме – она могла поклясться, что он был не из числа игравших. Тем временем Терещенко в сопровождении полицейского подошел к вещам и выудил оттуда свой рюкзак. То же проделал и Тимур.

– Подойдите, понятые, – один из полицейских поманил пальцем двух топтавшихся неподалеку людей – парня и женщину лет тридцати.

Вывернув содержимое рюкзака Тимура на газон, он тут же схватился за пачку «Беломора»:

– Та-ак...

– И что? – пожал плечами Тимур. – Да, я курю «Беломор», не вижу ничего предосудительного. Кого угодно спросите, хоть здесь, хоть в конторе – я всю жизнь их курю.

– Разберемся, – бросил полицейский, приступая к осмотру рюкзака Терещенко. – А вот это что у нас? – Он взял двумя пальцами полиэтиленовый пакетик с серо-зеленым веществом и помахал перед собой. – Я так полагаю, что это вы, задержанный, тоже «курите всю жизнь»? – обратился он к Васе.

– Это не мое, – с удивлением глядя на пакет, протянул Терещенко.

– Ну, конечно. Это – мое, – кивнул полицейский, – а к вам оно само запрыгнуло. Слышали мы эти песни.

– Но это действительно не мое! – повысил голос Вася.

– На вашем месте, задержанный, я бы не стал орать.

– Это действительно не его, – внезапно громко произнесла Ника, и к ней обернулись все, кто присутствовал при этой сцене.

– Да? – ухватился полицейский, вставая и направляясь к ней. – Не его? Тогда чье? Может, ваше?

Он приблизился к Нике вплотную и зашипел так, чтобы слышала только она:

– А ну, захлопнись и потеряйся!

Но Стахову вдруг понесло:

– С чего это? Я видела, как от сумок отходил человек, которого здесь до этого не было, и не исключено, что это он сунул пакет в рюкзак.

В толпе начались волнения – люди ухватились за слова Ники и загалдели что-то про «продажных», «подкинули» и «провокация». Полицейский отвлекся на секунду, и тут же Яблоков, крепко схватив Нику за рукав, дернул ее в сторону и поволок за собой, на ходу матерясь и отчитывая:

– Совсем сдурела?! Два дня в Москве – уже в полицию не терпится?! Да они тебя сейчас крайней сделают с твоим чешским гражданством! Идиотка!

– Но ведь я видела!

– Вот и заткнись! Видела она! Понятное дело, что никакую траву Терещенко не курит – у него почки больные! Это провокация, им нужен повод для задержания, их с Тимуром, видимо, давно пасут за правозащитную деятельность!

Остановившись в одном из дворов и убедившись, что их никто не преследует, Яблоков толкнул Нику на скамейку, сел рядом, вынул сигареты и, закурив, продолжил немного спокойнее:

– Ника, я тебя очень прошу – постарайся не лезть никуда и вообще выкинуть из головы этот случай. Не видела ты никакого парня, понятно? Хорошо, что тебя там мало кто успел запомнить, значит, не наведут.

– Я не понимаю...

– Вот и не вникай. Сиди дома, жди вторника, устраивайся на работу – и молчи, так будет лучше.

Почему так будет лучше, Ника не поняла, но про себя отметила, что Игорек ведет себя довольно странно, и он был, похоже, единственным, кого не удивило появление полиции.

– Зайдешь ко мне? – спросила она больше из вежливости, когда они подошли к ее подъезду.

Но, к ее облегчению, Яблоков отказался:

– Извини, в другой раз, мне пора ехать.

Он попрощался и сел в машину, а Ника опять подумала, что до этого он никуда не спешил, наоборот, собирался провести за игрой весь день до самого вечера.

Позже, уже лежа на большой ковanej кровати под одеялом, Ника задумалась о происшедшем, сопоставляя факты. Выводы напрашивались неутешительные... Выходило, что Яблоков знал о появлении полиции. Но зачем ему это? Ведь фактически он подставил под удар всех, кто там собрался, – любого могли... Хотя...

Ника вскочила, села, обняв руками колени. Нет, не любого. Игорь точно сказал – только Тимура и Терещенко. Думать о том, что ее бывший возлюбленный как-то замешан в банальном и пошлом стукачестве, было противно. Но каждая всплывавшая в памяти мелочь только подтверждала это.

– Черт, как же мерзко, – пробормотала Ника и выбралась из-под одеяла.

Натянув домашние угги, она набросила халат, в кухне налила себе стакан молока и вышла на балкон.

Майская московская ночь была прекрасна. Светилась огнями высотка на Котельнической набережной, упираясь шпилем прямо в небо, внизу, у подъезда, гудел мусоросборщик и переговаривались таджик-консьерж и водитель. На карусели детской площадки кто-то сидел – Ника видела, как то и дело мерцает огонек сигареты, хотя саму карусель скрывала листва старых тополей. Прихлебывая молоко, она стояла на балконе и размышляла обо всем, что произошло за время, что она здесь, в этом городе. «Густо живут в столице, ничего не скажешь. Столько всего за два дня... Такое впечатление, что я попала в какой-то водоворот, и меня уносит неконтролируемым потоком куда-то в бездну. И я даже сопротивляться не могу. Зачем я приехала? Что заставило меня бросить сына и вернуться в этот суматошный,

безумный город из благополучной, спокойной и размеренной Праги? Журналистское прошлое потянуло? Чем плохо мое агентство недвижимости? Чем вообще плоха моя тамошняя жизнь?»

Ответа не было. Ника допила молоко и вернулась в постель с твердым намерением сократить общение с Яблоковым до минимума.

Глава 5

Первый день на новом месте

*Хорошему мастеру любой материал хорош.
Японская пословица*

Тестовое задание оказалось несложным, и, выполнив его и отправив в понедельник вечером по электронной почте Филонову, Ника почувствовала себя абсолютно свободной – теперь от нее уже ничего не зависело. Остаток дня она провела сперва в беседе по скайпу с сыном и Ириной, а затем – за книгой. Чтение было той самой привычкой, от которой Ника не отказалась бы ни при каких условиях, и каждую свободную минутку, не занятую сыном, она отдавала именно этому занятию. Перипетии сюжета давали возможность отвлечься от собственных невеселых мыслей. Этой весной как никогда остро Ника вдруг ощутила свое одиночество. Сейчас, когда рядом не было Максимки, она получила возможность подумать на эту тему.

«Мне всего тридцать один год, а я как старуха, которой не повезло пережить всех близких. Если бы не сын, вообще не представляю, что бы было».

Мужчины всегда обращали на нее внимание – Ника была девушкой видной, яркой, хоть и довольно крупной по современным стандартам красоты. Однако это никогда не мешало ей в отношениях с противоположным полом и недостатка в поклонниках не было. В Праге у нее был Мирослав – один из компаньонов Иржи в юридической фирме, но Ника не рассматривала его всерьез. Им было неплохо вместе, они часто ходили в театр и кино, ужинали, однажды отмечали Рождество – но Стахова не чувствовала, что готова связать себя с Миреком какими-то более серьезными отношениями.

– Понимаешь, он хороший, умный, – говорила она Ирине, задававшей ей вопрос о намерениях довольно часто, – но он чужой. В смысле – он мне в душе не близок совсем. Наверное, это менталитет. Мы выросли в разной среде, на разных книжках. Это я тебе могу про «Ну, погоди!» рассказать, и ты поймешь, а ему – нет. Для него это просто иностранный мультик про волка и зайца – ну, как «Том и Джерри». И так во всем...

– Тебе четвертый десяток, подруга. Может, не стоит так уж сильно перебирать? – интересовалась Ирина, хотя внутри себя понимала Никино состояние. Ей самой пришлось многое преодолеть в отношениях с Иржи, но она хотя бы довольно долгое время прожила за границей и научилась немного понимать и принимать особенности своего мужчины. Нике же это было трудно.

– Я не хочу цепляться за абы кого только из страха остаться в одиночестве. Лучше, наверное, одной, чем рядом с тем, кто тебя не понимает.

– Со временем привыкнешь. И он привыкнет.

– Я не хочу привыкать. Я хочу любить и разговаривать на волне сердца. А приходится выбирать слова и доносить смысл. Мне это трудно. Зачем ломать себя? Мне ничего от него не нужно, чтобы из корысти перекраивать душу.

– Ну, корысть – это вообще не твое, – улыбалась Ирина той легкой, почти незаметной улыбкой, так украшавшей ее испещренное шрамами лицо. В такие моменты подруга становилась почти прежней, и Ника очень любила, когда Ирина улыбалась. – Но подумай – рано или поздно Максимка вырастет, у него начнется своя жизнь. А что останется тебе?

– Это случится еще не скоро.

– Не так не скоро, как тебе хочется, дорогая. И потом – ты ведь не собираешься стать одной из тех мамашек, которые рьяно бросают свою жизнь к ногам ребенка, не спросив

его желания, а потом стараются напоминать о принесенной жертве при каждом удобном и неудобном случае, да?

Ника умолкала. Действительно, а ведь разве быть хорошей матерью означает отказаться от собственной жизни? Она еще молода и вполне может иметь что-то еще, кроме подгузников, каши и прогулок с коляской. Карьеру, например. Чтобы сын, когда подрастет, мог, не стесняясь, сказать, кто его мама. Нет ничего плохого в том, чтобы остаться домохозяйкой, но для этого нужен определенный склад личности, определенные желания и умения, которых у Ники не было. Витье гнезда и копание норы никогда не было целью ее жизни, она была довольно непритязательна в быту и умела обойтись необходимым. Да, должно быть чисто и уютно – но для этого совершенно необязательно часами простаивать у плиты и с маниакальным упорством ходить всюду с куском белой марли, проверяя, не запылились ли колючки на шторах. Нет, стать домохозяйкой Стахова не смогла бы даже ради сына.

– Понимаешь, Иришка... у меня такое чувство, что я пытаюсь усидеть на двух стульях и все время сваливаюсь.

– Не говори глупостей. Ты не выбираешь между карьерой и ребенком, ты совмещаешь и то и другое, а мы тебе немного помогаем на первых порах, вот и все. Когда все станет более-менее стабильно, ты заберешь Максима к себе – или вернешься сюда, если будет возможность работать удаленно. Разве это не разумно?

И Ника не могла не согласиться с этим.

Успокоив таким образом свою совесть, Стахова вышла с сигаретой на балкон. Вечер был теплым, хотелось на улицу, на набережную – пройтись немного, посмотреть на реку, полюбоваться ярко освещенным городом. Ника даже пару секунд раздумывала над этим – накинуть спортивный костюм и выйти из дома. Однако потом ее охватила лень – это ж одеваться, кроссовки шнуровать, спускаться... Нет, лучше уж она дома останется, перелистает материалы об инвесторе будущего работодателя – чем-то ее заинтересовала деятельность этой конторы. Возможно, тем, что занималась она недвижимостью в Подмосковье...

Ника не могла даже предположить, что ее кандидатура вызовет бурное обсуждение у Филонова и представителя инвестора Сергея Вересаева. Главред был обязан ставить их в известность о том, каких сотрудников берет на работу, однако последнее слово все равно оставалось за Федором. Но фамилия Стаховой почему-то произвела на Вересаева такое впечатление, какое производит на алкоголика вода в рюмке вместо ожидаемой водки:

– Что?! Это кто еще?! Ты где ее откопал?! – Вересаев таращил глаза, и Федор видел лопнувшие сосудики, тонкой красной сеткой покрывавшие глазные яблоки представителя инвестора.

– А в чем дело? Она хороший журналист, вполне нам подходит. Пишет интересно, остро, тему раскрыть умеет. Да и послужной список у нее весьма приличный.

– Вот именно! Вот именно – список! – Вересаев вскочил из-за стола и заходил по кабинету. – Ты читал, как она «Изумрудный город» размазала?

Филонов пожал плечами:

– Читал. Не вижу никаких противоречий – там было столько нарушений и столько грязи, и ничего от себя Стахова не приписала. Кроме того, мне ее рекомендовал человек, чьему мнению я вполне доверяю.

– Ну, другими словами, ты хочешь, чтобы эта мамзель начала копать вокруг инвестора, да? – выпалил Вересаев и вдруг осекся, умолк и круглыми глазами посмотрел на Филонова. – То есть... я вот о чем подумал... как бы она и здесь... ну, в общем, смотри сам! – нашелся он наконец и махнул рукой. – Сам, короче, смотри. Нужна – так бери, но контролируй лично, что за темы она берет.

Филонов снова пожал плечами:

– Я и так обычно сам все контролирую, зачем предупреждать? Но отказать хорошему журналисту я не могу, а Стахова – хороший журналист.

– Ой, да делай что хочешь, главное, чтобы проблем с «Нортоном» не было, – отмахнулся Вересаев, которому не терпелось прекратить этот разговор и выдворить Филонова из кабинета.

Федор ничего не сказал – у него уже родилась тема, которую он даст Нике для первого задания, а потому он тоже торопился исчезнуть из офиса куратора.

Во вторник Ника впервые переступила порог редакции «Русской Галактики». Сидя на летучке, она осторожно приглядывалась к окружавшим ее сотрудникам и тихо ахала про себя. Такой разношерстной компании она не могла представить себе даже после игры в петанк. Одно дело – игра, а совершенно другое – офис редакции. На прежнем ее месте работы все выглядело, мягко говоря, иначе. Да, профессия журналиста дает определенную свободу, но Ника в страшном сне не представляла, что можно прийти в редакцию с волосами, не мытыми дней пять, – именно так выглядела ее соседка справа, молодая девушка в свободном длинном джинсовом сарафане и выглядывающих из-под него берцах, надетых на полосатые, явно мужские, носки. Еще пара таких же девиц сидели на подоконнике большого окна, тихо перешептывались, поглядывая на Стахову. Рядом с ними примостилась третья – худенькая, невысокого роста блондинка с удлинненным каре. Одета она была явно лучше остальных, хотя, очевидно, недорого – тертые синие джинсы, белый тонкий свитерок – утром было прохладно, розовые кеды. Она то и дело поправляла сползающие на кончик носа огромные очки в черной оправе. Мужская половина коллектива была еще разнообразнее... У Ники даже времени не хватило, чтобы разглядеть каждого в отдельности, и она решила, что сделает это уже в процессе знакомства. В конце летучки Филонов представил ее коллективу и сказал, что сидеть она будет пока в кабинете с новостниками, а дальше он решит, в какой именно отдел определит Нику. Все шумно двинулись по рабочим местам, а Нику задержал невысокий лысый мужчина в серой водолазке и спортивного покроя брюках:

– А со мной бы неплохо лично познакомиться. Я заместитель главного редактора, зовут меня Александр Александрович Тихонов, но все кличут Сан Санычем – вам тоже разрешаю. Правда, мы тут все на «ты», так что привыкай. Куришь?

Ника радостно кивнула:

– Да, все никак не получается бросить.

– У нас точно не бросишь, – ухмыльнулся Тихонов, – курят все. Такое впечатление, что никто не работает, только смолить бегаем. Выгляни в окно, – предложил он, совершенно не обращая внимания на уткнувшегося в монитор хозяина кабинета.

Ника подошла и выглянула, обнаружив почти весь коллектив «Русской Галактики» во дворе – курили, кто-то пил кофе из пластиковых стаканов, кто-то сидел на бордюре и заедал табачный дым йогуртом.

– Видела? Вот так у нас тут все устроено, – хмыкнул Тихонов, – ладно, идем, я тебе стол покажу, и заодно тему обсудим. Федя, мы ушли, – обратился он к Филонову, но из-за монитора раздалось только негромкое:

– Угу.

– Идем, он нас все равно уже давно не слышит, – открывая Нике дверь, сообщил Тихонов, – если Федя ушел в работу, то вокруг хоть гопака пляши – не отреагирует.

Тихонов отвел Нику в кабинет в самом конце длинного коридора, открыл дверь и показал пустующий стол у правой стены:

– Вот тут пока и располагайся. Народ шумноватый, но неплохой. Я думаю, ты тут долго не засидишься – Федя к новостникам ссылает за провинности и тех, кого только взял. Пару недель – самое большое.

– Да мне все равно, – улыбнулась Ника, устраиваясь в кресле и выкладывая из сумки на стол блокноты, карандаши, ручки, пару резинок, точилку и фоторамку со снимком сына.

Тихонов подошел ближе и аккуратно взял рамку:

– Твой?

– Мой. Максимка.

– Хороший парень. И муж есть?

– Мужа нет, – лицо Ники не выразило никаких эмоций, но Тихонов отчего-то понял, что больше спрашивать не нужно. Вернув фото на стол, он предложил:

– Кофе захочешь – ко мне приходи, у меня кофеварка стоит.

– Спасибо.

– Ну, давай привыкай, удачи, – и заместитель главреда ушел к себе, оставив Нику в одиночестве.

Она включила компьютер и погрузилась в поиск материалов к статье.

– Кто взял ее на работу?!

– Филонов.

– А что – ты никак не мог помешать?! Она же начнет рыть везде – недвижимость ее специализация, почему ты заранее не проверил?

– Погоди... ее же куратор рекомендовал – как можно было не взять? Филонов, кстати, вообще не возражал. А у него нюх на журналистов.

– Да?! Погодить?! А потом поздно будет – когда эта сучка влезет во все дела по самое «не хочу»!

– А что такое есть у нас, чтобы нам опасаться? Или я чего-то не знаю?

– Всегда и везде, если задаться целью, можно накопать какие-то залежи, о которых все уже забыли, но неприятностей они наделают. Мы – тоже не исключение!

– Можно, конечно. Но Филонов же не дурак и понимает, что нельзя кусать руку, которая тебе кормушку наполняет.

– На твоём месте я бы не был в этом уверен. И вообще – вся эта шайка-лейка разномастная... кто знает, в какую сторону их понесет? Журналисты – самый продажный народ, и всегда находится тот, кто предложит больше.

– Филонов не такой.

– Ну-ну... А скажи, почему ты, как наш представитель, в редакции ничего не знал о том, кого берут на работу?

Вересаев пожал плечами:

– Ну, как-то так вышло... Филонов ее сразу ко мне привел, а потом уже выяснилось, что это куратор рекомендовал. Не буду же я кусать руку «оттуда», правда? И патрон в курсе уже.

– Мне кажется, он давно в курсе. Только вот почему молчал? Я у него спрашивал напрямую, но он как-то замялся. Странно это все.

– Ты что панику развел, я не понимаю? И вообще – странный ты в последнее время. Случилось что? Так расскажи, поделись, я постараюсь помочь, если смогу.

– Не надо, все у меня нормально. Это я так, не выспался. Ясное дело, что пригодится нам эта Стахова, конкурентов у нас хватает, есть где развернуться с ее расследованиями. Лишь бы не в ту сторону копать не начала. Потому и говорю – сам приглядывай, мало ли...

Глава 6

Мужчина мечты

*Мужчина больше любви должен ценить работу.
Акутагава Рюноске, писатель*

Через несколько недель Ника привыкла к новому коллективу, и работать стало намного легче и приятнее. Друзей она не заводила, но отношения со всеми коллегами складывались хорошие, и она даже дважды принимала участие в вечеринках в баре «Сайгон». Спиртное Ника не любила, но пару бокалов пива себе позволяла, как и участие в еженедельном петанке – ей неожиданно стала нравиться эта игра, и оба раза Филонов брал ее в свою команду. Несколько партий они выиграли – к неумной радости не особенно спортивной Стаховой.

– Ничего, научишься, – всякий раз утешал ее после не очень удачного броска Филонов, и Ника с благодарностью кивала, а при следующем броске старалась учесть все замечания и подсказки.

Но самое забавное событие произошло с Никой тоже после петанка – в той игре она повредила запястье, и Тихонов, игравший с ней и Федором, предложил подвезти в травмпункт. Там-то Стахова и встретила его...

Его звали Дмитрием Сергеевичем Рошиным, он работал врачом-травматологом и дежурил именно в это воскресенье.

Когда Ника вошла в кабинет, придерживая распухшее запястье левой руки, он что-то писал в журнале. Стахова поздоровалась, и в ту же секунду на нее устремился взгляд таких пронзительно-серых глаз, что ей показалось, что она разучилась дышать.

– Проходите, присаживайтесь, – проговорил доктор, и Ника с сожалением отметила, что сказал он это совершенно дежурным тоном, – что произошло?

Ника подробно рассказала, как именно упала на руку, неловко подвернув при этом ногу. Нога не беспокоила, а вот запястье...

Доктор вышел из-за стола и прохладными пальцами взял Никину руку. В его мягких, но решительных движениях было столько уверенности, что Ника залюбовалась и даже не почувствовала, как он крутит ее запястье:

– Снимок сделаем, но мне кажется, что это просто ушиб. Если не подтвердится перелом, походите с тугой повязкой.

Стахова не могла понять, что происходит. Сердце ее колотилось, в лицо бросилась кровь – она физически ощутила, как покраснела и глупо смотрит врачу в лицо, потому что тот тоже залился румянцем.

– Простите, – смущенно пробормотала Ника и отвела взгляд.

Доктор записал все ее данные и дал направление на рентген, добавив, когда Ника уже почти вышла из кабинета:

– Обязательно зайдите ко мне со снимком.

– Хорошо.

Закрыв за собой дверь, Ника привалилась к стене и попыталась отдышаться и взять себя в руки. «Вот правда – если бог не хочет подписываться своим именем, то берет псевдоним Случай, – подумала она. – Кто мог знать, что я сегодня встречу того, кого ждала после смерти Максима? Ведь я достаточно хранила ему верность – даже до Мирека. Не думаю, что он осуждает меня». Мысли о докторе Рошине не давали ей покоя до того момента, пока она, держа в руках свежий снимок запястья, не вошла в его кабинет снова. Лицо врача вдруг

озарилось такой улыбкой, что Ника поняла – он, возможно, тоже заинтересован в продолжении знакомства.

Так и вышло. Посмотрев снимок и наложив Нике тугую повязку, Роцин, чуть смешавшись, спросил:

- Вы не будете возражать, если я завтра позвоню и узнаю, как ваши дела?
- Не буду, – улыбнулась Ника, – моя работа позволяет вести разговоры в любое время.
- А кем вы работаете?
- Я журналист.
- Интересная профессия. В газете или в журнале?
- В интернет-издании. «Русская Галактика» – не слышали?
- Нет, но сегодня же обязательно найду. Интересно почитать, о чем вы пишете.

Ника пожала плечами:

- Обо всем пока. Но скоро буду заниматься тем, в чем разбираюсь лучше.
- Это чем же? – заинтересовался Роцин.
- Журналистскими расследованиями. Я много лет этим занималась, пока в Чехию не переехала.

- В Чехию?
- Так вышло.

Ника чувствовала, насколько легко ей разговаривать с этим человеком в голубой медицинской спецодежде – намного легче, чем с Миреком, чем с коллегами в редакции. Может, потому, что в его глазах она видела неподдельный интерес к себе?

В дверь постучали:

- Дмитрий Сергеевич, если вы свободны, то к вам пациент.

Роцин улыбнулся извиняющейся улыбкой:

- Простите, Вероника Геннадьевна, к сожалению, работа не ждет... А мы не могли бы завтра вечером увидеться?

- Могли бы.
- Тогда я позвоню?
- Конечно.

Ника встала, а Роцин, бросив взгляд на карту, переписал номер мобильного к себе.

- И руку не нагружайте.
- Не буду. Спасибо.
- До завтра.

Ника выскочила на крыльцо с такой скоростью, как будто Роцин мог передумать и отказаться от завтрашней встречи, а ей этого совершенно не хотелось.

– Ты чего так долго? – вывел ее из эйфории голос Тихонова, о котором она, разумеется, совершенно забыла. – Народу много?

- Ой, Саныч, я думала, что ты уехал, – смутилась Стахова.
- Как я тебя брошу? Что с рукой-то?
- Фигня – ушиб. Но я левша, это слегка меняет дело.
- Работать не сможешь?
- Смогу, но долго печатать не получится пару дней.
- Это ничего. Можешь завтра не приезжать, я Феде скажу.
- Нет-нет, не нужно, я приеду. Подберу материалы, посмотрю, что уже сделала – чего время терять? – возразила Ника.
- Ну, тогда я тебя домой довезу и поеду.

Дома, уже лежа в постели, Ника вдруг закрыла глаза и представила лицо доктора Роцина – серые глаза, густые брови, прямой тонкий нос, узкие сухие губы, легкую щетину.

Ей почему-то даже в голову не приходило, что он может оказаться женат. «Так не бывает. Так просто не может быть, это несправедливо. Я так долго его ждала – он не может подвести меня. Так нельзя», – думала она, вновь и вновь прокручивая в голове каждое сказанное Роциным слово.

«Я спрошу его об этом завтра сама. А что – возьму и спрошу», – решила она, уже засыпая.

Глава 7

Второй человек в редакции

Справедливый к себе относится строго, к другим – снисходительно.

Японская пословица

Филонов приболел – разыгралась аллергия, а потому летучка переместилась к Тихонову. Раздав всем задания и выругав корректора за опечатки, Саныч зашарил по столу в поисках сигарет. Ничего не обнаружив, он обвел взглядом тех, кто еще не успел покинуть кабинет.

– Ну?! – грозно произнес он.

– Ин гроссен фамиллиан нихт клювом клац-клац, – изрекла молоденькая журналистка Лена, поправив на носу огромные очки.

– Я вот тебе покажу – клац-клац! – взревел Тихонов, лысина которого от напряжения покрылась испариной. – Ну, посмотри на них – вторая пачка сигарет со стола! За утро! Сво-лочи!

– Саныч, ну, тебе жалко, что ли? – меланхолично отозвался пиарщик Тряпичников, рисуя что-то в блокноте. – Пусть курят – дольше проживут.

– Да не жалко мне! А противно! В собственном кабинете нельзя ничего на столе оставить! – бушевал Тихонов, размахивая руками.

Между собой сотрудники, когда были уверены, что зам главного не слышит, называли его Гауляйтер – за пристрастие к крепким выражениям, жесткий характер и былую причастность к группировке футбольных фанатов клуба «Торпедо». Дрессировал он подчиненных безжалостно, легко срываясь на крик, но его все равно уважали и любили за справедливость и отходчивость. Второй после футбола страстью Тихонова были собаки. Ника, увидев на рабочем столе снимки двух совершенно потрясающих такс, осторожно поинтересовалась, чьи они. И с удивлением выслушала ответ Тряпичникова:

– Да Саныча, чьи еще. Он этих дамочек больше бабья любит. Да вот сама спроси как-нибудь – только временем запасись свободным, он про них часами может рассказывать.

Вообще компания в «Русской Галактике» подобралась довольно разношерстная, если не сказать – странноватая. Филонов набирал сотрудников не по политическим пристрастиям, а по умению работать и желанию совершенствоваться. У него не задерживались те, кто предпочитал полдня чесать затылок в поисках темы, кто не желал мыслить чуть шире, чем требовало освящение материала, кто просто не хотел вкладывать в статьи что-то свое. Филонов сам лично отсматривал практически все материалы, которые попадали затем в верстку. Ника удивлялась, когда он вообще спит – настолько большой объем работы он ухитрялся выполнять. Кроме «Русской Галактики», Филонов еще занимался собственным проектом под названием «Барахолка мыслей», где публиковал собственные статьи на исторические темы. Стахова, прочитав пару, прониклась к главреду еще большим уважением, если такое вообще было возможно. При таком деловом подходе в редакции все-таки царила атмосфера какой-то расслабленности, комфорта и спокойствия – так бывает, если люди чувствуют себя защищенно и уверенно. Филонов не давал спуска сотрудникам, но и с инвестором тоже разговаривал твердо. И уж если ему нужен был именно этот журналист, то он отстаивал его перед инвесторами до последнего – будь у журналиста пирсинг на всем теле или тату на половину лба. Инвесторы придерживались православных традиций и неохотно брали на работу представителей «альтернативы», однако для Филонова это не являлось препятствием.

И вот сегодня распоясавшиеся «альтернативщики» ухитрились с самого утра вывести из себя Тихонова – что грозило последствиями. В такие моменты Саныч брал в руки палку и обходил кабинеты редакции, всегда находя к чему придраться. Ника только давилась от смеха, слушая гневные вопли Тихонова и мышиный писк оправдывающихся сотрудников. Нынче под горячую руку зама попала Лена – та самая молоденькая девочка в очках. Причиной ора Тихонова стала... татуировка, которую он случайно увидел, войдя в кабинет неожиданно. Ленка демонстрировала коллегам огромный крест на голени, задрав джинсы, и тут-то к компании подкрался Гауляйтер.

– Это... это... Федя видел?! – взревел Тихонов так, что компания кинулась врассыпную, а Ленка забилась в угол кабинета.

Ника вошла как раз в тот момент, когда Тихонов, сверкая вспотевшей лысиной, орал за закрывшую голову руками Лену:

– Совсем сдурела, малолетка чертова?! Федька тебя в президентский пул журналистов готовит, а ты партаки бьешь?! Куда тебя с такой хренью?! Ты в штанах будешь на прессухи ходить?! Там дресс-код – никаких брюк на бабах, дура!

– Саныч, Саныч, ты успокойся, – попыталась урезонить разбушевавшегося начальника Ника, но тщетно:

– Успокоиться?! Ты погляди на ее ногу!

– Ну, теперь-то что орать? Уже сделано ведь!

– Ника, ты хоть чушь не пори! Единственная адекватная баба в этой конюшне! Как она будет ходить на пресс-конференции, скажи?! – немного остывая, спросил Тихонов, махнув в сторону Лены палкой.

– Наденет длинную юбку строгого покроя и пойдет, не вижу ничего кошмарного, – подмигнув Лене из-за спины Тихонова, сказала Ника. – Какой смысл орать? Татуировка никуда не денется уже.

Тихонов в ответ выдал матерную очередь, махнул рукой и выскочил из кабинета, хлопнув дверью так, что косяк еле устоял. Лена перевела дух, вытерла ладошкой вспотевший лоб и пробормотала:

– Спасибо, Ник... думала – убьет, на фиг...

– Ты чего ради начала тут нательную живопись демонстрировать? – поинтересовалась Ника, усаживаясь на подоконник. – Между прочим, Саныч-то прав – куда с такой татухой в президентский пул?

– Ой, да ладно – если что, я ее замажу тоналкой, – отмахнулась Лена, уже почти совсем придя в себя. – И потом – это ж еще не решено, может, меня не аккредитуют еще.

– Смотрю, ты не особенно рвешься, – заметила Ника.

Лена передернула худыми плечиками под розовой футболкой:

– Мне без разницы.

Ника уже знала, что Лена приходится Федору какой-то родственницей, но об этом в редакции знал только Тихонов – и она, потому что Саныч как-то поделился. Федор никак не выделял Лену, часто ругал за ошибки и неверную подачу материала, нагружал работой и вообще не делал поблажек. Точно так же относился к ней и Тихонов, и скандал сегодняшний устроил только потому, что знал – Федор не одобрит такую вольность, как огромная татуировка на голени. Лена год назад окончила институт иностранных языков, владела испанским и английским, но работу найти не могла, и Федор взял ее стажером. Девочка оказалась довольно способной, училась быстро, но вот с тараканами в ее голове ни Филонов, ни Тихонов ничего пока сделать не могли.

– Не понимаю. Что значит – все равно? – спросила Ника, внимательно разглядывая Лену, уже севшую за компьютер. – Тебе все равно – сидеть в редакции или ездить на президентские мероприятия? По-моему, это немного разный уровень.

– А что с того? Только лишние напряги – костюм деловой, прическа строгая, то-се... – откликнулась Лена, ловко закинув в рот конфетку из розовой жестяной баночки. – Хочешь леденец? Малиновый, – предложила она.

– Нет, спасибо, я сладкое не очень. А тебе вот это твоя якобы «некаквсешность» так уж дорога? До такой степени, что ты не можешь ничем поступиться ради хорошей возможности?

– Ну, ты совсем как Филонов! Еще скажи, что мне не всегда будет двадцать три! И про «пупок между двумя мирами»! – фыркнула Лена. – Слышала этот прикол?

– Нет.

– Одна женщина набила себе на груди татуировку «Миру мир», а в шестьдесят лет у нее пупок оказался между двумя мирами, – захохотала Лена, и Ника вслед за ней тоже фыркнула от смеха. – Ну, глупость же. Это красиво, мне нравится – этого достаточно, чтобы никто мне не указывал, что бить, где бить и как часто это делать.

– Философия такая?

– Типа того, – кивнула Лена. – Вам не понять, вы иначе протестовали в молодости.

«Опа! – с удивлением отметила Стахова. – Вот это номер! Ей двадцать три – мне тридцать один, и эта девочка считает меня представителем другого поколения. Чуть ли не возраста дожития, блин! Забавно...»

– То есть ты считаешь, что я, например, не могу понять причин, по которым ты рисуешь себе ноги? – иронично усмехнулась Ника, накручивая на палец прядь волос, выбившуюся из-под заколки.

– Ну, почему же... как раз ты можешь. Но ты сейчас в той ситуации, когда тебе лучше поддакнуть Феде и Санычу.

– Н-да? Это почему же?

– Ты человек новый, тебе нужно удержаться, закрепиться – а потом уж свое мнение высказывать. А пока самая правильная политика – поддержать мнение руководства, – сказав это, Лена закинула в рот очередной леденец и развернулась в кресле так, чтобы видеть сидящую на подоконнике Стахову.

– Я тебя огорчу, наверное, но я всегда высказываю только собственное мнение. И никогда не подпеваю хору.

Ника спрыгнула на пол и пошла к себе, в душе злясь на то, что не сдержалась и отреагировала на маленькую, почти детскую провокацию Лены.

В коридоре ей попался Тихонов, уже заметно успокоившийся:

– Поговорили?

– Ну так... Ты бы не трогал ее пока, Саныч. Она своим умом дойдет.

– Пока дойдет – превратится в граффити, – буркнул он. – У тебя телефон в сумке разрывается, между прочим.

Ника ахнула – забыла с утра сунуть мобильный в карман, так и оставила в сумке, а звонить мог кто угодно – от Ирины до... Вот последнее особенно не хотелось пропустить. Метнувшись в кабинет, она, не обращая внимания на удивленные взгляды коллег, лихорадочно вывернула содержимое сумки на стол и схватила мобильник. Дмитрий звонил семь раз, и, увидев такое количество пропущенных звонков, Ника испытала радость и что-то похожее на тщеславие – такой видный мужчина тратит на нее свое время. При всей внешней непробиваемости и грозном виде в душе Ника Стахова была ранимой и даже слегка неуверенной в себе. Еще во времена романа с Максимом Гавриленко она то и дело задавалась вопросом, что же именно нашел в ней красивый, молодой и успешный владелец строительной империи, разве у него никогда не было женщин моложе, стройнее, красивее, чем она, Ника? Но Максим ни разу не дал ей почувствовать себя не равной ему, напротив, он превозносил Никины умения и очень ценил проницательность. У них было довольно много общего, и потому, наверное, то

недолгое время, что они провели вместе, запомнилось Нике как самое счастливое и легкое, даже несмотря на откровенно криминальные события, происходившие вокруг них. Ника не сомневалась, что не погибни Максим, то он непременно женился бы на ней, и они жили бы как в сказках – долго и счастливо. Но вышло так, как вышло...

И вот теперь ее сердце снова стало биться в немного ином ритме, предчувствуя начало новых отношений. В том, что Рощину она понравилась, Ника перестала сомневаться именно после семи пропущенных звонков.

– Я выйду во двор, надо срочно позвонить, – бросила она начальнику отдела новостей и вышла, стараясь не бежать, а идти медленно.

Ноги, однако, не слушались и несли ее по лестничным маршам вниз все быстрее. «Упасть еще не хватало. Решит, что я нарочно себе увечья наношу», – мелькнуло в голове, и Стахова пошла медленнее. Сев на лавочку, она закурила, чтобы немного унять волнение, и набрала номер Рощина. Дмитрий ответил мгновенно, словно сидел и ждал звонка:

– Вероника? С вами все в порядке? Я звоню с самого утра, никто не отвечает.

– Извините, Дмитрий, я забыла телефон в сумке, ушла на летучку, а потом дела навалились. У меня все в порядке, рука почти не болит, только опухоль немного держится.

– Это пройдет. А... вы свободны сегодня после работы? – после паузы решился Рощин, и Ника улыбнулась, хотя и знала, что он ее не видит:

– Да. Я заканчиваю в семь.

– Я могу заехать за вами, и мы бы пошли куда-нибудь. Погода отличная...

– Можем погулять. Если честно, не очень хочу в кафе, – призналась Ника.

– Может, наВДНХ? – предложил он. – Вы высоты не боитесь?

– Не особенно. Только это получится другой конец – я в Марьиной Роще работаю.

– А к метро вы как относитесь? Я могу и на машине подъехать, но, боюсь, мы доедем доВДНХ только к утру.

Ника засмеялась:

– Я абсолютно демократична. У меня и в Праге нет машины – она там просто ни к чему. А в Москве, мне кажется, метро надежнее.

– Уф, слава богу! – с притворным облегчением выдохнул Рощин. – А то я уж было испугался, что вы сочтете меня недостойным кавалером – на первом же свидании даму в метро пригласил! Тогда диктуйте адрес, и в семь я вас буду ждать.

Ника с удовольствием назвала адрес, и они попрощались.

Глава 8

Свидание

*Влюбленному и дорога в тысячу ри покажется короткой.
Японская пословица (ри – мера длины, равная 3,927 км)*

Прогулка оказалась легкой и приятной, даже несмотря на давку в метро. Оказавшись притиснутой к широкой груди Рощина, Ника невольно слышала, как бьется сердце Дмитрия, как сбивается дыхание всякий раз, когда толпа плотнее прижимает ее к нему, и это почему-то было приятно. В какой-то момент Дмитрий вдруг легким жестом убрал с ее лба выпавшую прядь и сам смутился от смелости:

– Простите...

– Ничего... – Ника тоже ощутила неловкость, как на самом первом свидании в школе.

К счастью, им нужно было выходить, и Дмитрий крепко взял Нику за руку и повел к дверям. Поднявшись наверх и выйдя на улицу, оба почувствовали себя легче и увереннее.

– Ну что – на колесо? – предложил Дмитрий, указывая на высившееся в глубине парка колесо обозрения.

– Запросто! – лихо ответила Ника, хотя при взгляде на аттракцион у нее перехватило дыхание.

Они купили билеты и сели в кабинку, которая начала медленно подниматься вверх. Ника невольно вцепилась в руку Дмитрия, и он накрыл ее мгновенно похолодевшие от страха пальцы своей теплой ладонью:

– А говорили, что не боитесь высоты. Физиологию не обманешь.

– Я не то что боюсь... как-то дух захватило, – призналась Стахова.

– Тогда давайте будем отвлекаться. Расскажите мне о себе немного, – попросил Дмитрий, не убирая ладони, и Ника, немного успокоившись, спросила:

– А что конкретно? Мне трудно решить, о чем говорить вот так, сразу...

– К примеру, как вы в Праге оказались? Вы же в Праге живете?

– Да. Очень просто оказалась... пришлось уехать, так уж тут сложилось. Написала статью, назвала мерзавцев мерзавцами – они обиделись. Один человек помог спрятаться. В общем, довольно банальная история.

– Не скажите... Я такое только в книгах читал.

– Я бы с удовольствием тоже об этом только читала. Но мне совершенно не жаль, что я теперь там живу. Собственно, работаю все равно тут – вернулась, не нашла себе применения в профессии в Чехии.

– И язык знаете?

– Да, выучила. Он довольно легкий, не особенно пришлось напрягаться. А вы? – вдруг спросила Ника, чуть повернувшись к Рощину. – Вы... женаты? – выпалила она, не успев прикусить язык, и тут же выдернула руку. – Простите...

Дмитрий внимательно наблюдал за ней и молчал, чуть склонив голову и улыбаясь.

– Вы считаете меня бабником?

– Разве я так сказала? – Ника отчаянно злилась на себя за вырвавшийся вопрос и за то, что не может встать и уйти немедленно – кабинка как раз поднялась на самый верх.

– Не сказали. Но, очевидно, я дал повод так обо мне подумать. Я был женат, но уже пять лет в разводе. Детей у нас не было – жена не хотела, карьеру делала. А когда сделала – ушла.

– Почему?

– Я не соответствовал больше ее статусу: она профессор, декан, член-корреспондент Академии наук – а я травматолог в травмпункте, – Дмитрий улыбнулся, и улыбка вышла какой-то извиняющейся.

– Разве это так важно? – удивилась Ника. – Мне всегда казалось, что главное – это заниматься тем, что тебе близко, понятно и интересно и где ты можешь пользу приносить. Ну, во всяком случае, именно так я думала о врачах.

– Вот вы, Ника, суть улавливаете. Мне с детства хотелось стать врачом, я к этому стремился, я добился своего. Мне комфортно на работе – да, денег больших не платят, но я же еще консультирую в платной клинике, на жизнь хватает. Но наука и все, что с ней связано, мне никогда не была интересна, – Дмитрий вынул пачку сигарет и вопросительно глянул на Нику: – Можно?

– Конечно. Я тоже курю, если вас это не смутит.

– Не смутит. Угощайтесь, – он протянул ей пачку, и Ника взяла сигарету.

Вдруг в какую-то секунду ей показалось, что она чувствует на себе посторонний тяжелый взгляд, и от этого по коже пробежали мурашки. Стахова нервно завертела головой во все стороны, выронив сигарету.

– Вероника, с вами все в порядке? – обеспокоенно спросил Дмитрий, внимательно наблюдая за ее маневрами.

«Нет, со мной не в порядке. Ничего не в порядке. Я не понимаю, что происходит, но чувствую – что-то не так. Рядом есть кто-то, от кого мне стоит держаться подальше, а я не могу даже представить, кто именно», – ей хотелось закричать, спрятаться в его объятиях – что угодно, но только никогда больше не чувствовать этого пронзающего чужого взгляда. Ей давно не было так страшно, как сейчас, в эту минуту, в мягко подкрадывающейся темноте.

И Дмитрий почувствовал это ее состояние, притянул к себе, обнял и прошептал:

– Ты не бойся ничего, ладно? Пока я рядом, никому не позволю причинить тебе вред. Ты только верь мне.

И Ника, подчиняясь, ответила:

– Да...

Он согревал дыханием ее ледяные руки, набросил на плечи свою ветровку и не выпустил из объятий до тех пор, пока кабинка не поравнялась с деревянным настилом. Они вышли, и Ника снова нервно оглянулась. Вокруг не было никого, кто мог бы привлечь ее внимание, – ни единого знакомого или мало-мальски подозрительного лица.

– Ничего, что я на «ты» перешел? – спросил Дмитрий, крепко держа руку Ники в своей.

– Нет, даже хорошо.

– Ты кого-то боишься?

– Я... я даже не знаю, что сказать. Мне казалось, что все закончилось – все, кто мог желать мне зла, либо мертвы, либо в тюрьме. Но сейчас... господи, какое же это противное ощущение... – Она едва сдерживалась, чтобы не заплакать.

Дмитрий огляделся по сторонам, но в яркой толпе, окружавшей их, разумеется, ничего подозрительного не увидел. Вечер выдался теплый, и многие предпочли после рабочего дня не отправляться сразу по домам, а погулять, посидеть в открывшихся уличных кафе, просто на лавочках в скверах. Вокруг бегали дети, многие – на роликах, попадались велосипедисты и любители скейтборда – словом, Москва переместилась из офисов в зоны отдыха.

– Вероника, может, посидим где-нибудь на воздухе? – предложил Рошин, углядев свободную лавочку. – Ты не устала?

Ника неопределенно повела плечами:

– Давай посидим, меня что-то ноги не держат, перенервничала.

Они сели, Дмитрий поправил сползшую с Никиных плеч ветровку и спросил:

– Теперь моя очередь задавать неудобные вопросы? Можно?

– Задавай.

– Вот ты спросила, женат ли я. Я могу узнать то же о тебе?

– В смысле – замужем ли я? Помнится, ты обиделся на этот вопрос и решил, что я считаю тебя бабником. Следуя твоей логике – я тогда кто? – Стахова прикусила губу и наблюдала за тем, как меняется выражение лица Рощина. Тот смутился:

– Извини. Действительно, глупо вышло. Можешь не отвечать.

– Вышло глупо, но я отвечу. Нет, я не замужем, более того – никогда не была. Но у меня в Праге остался сын.

– Как так?

– Ну, чтобы родить сына, вовсе не обязательно быть замужем, правда? Так получилось, что мы с его отцом пожениться не успели, он погиб, – вздохнула Ника. – Но зато у меня теперь есть Максимка.

В этот момент ей пришло в голову, что подобное признание может отпугнуть Рощина – мало кто из мужчин обрадуется наличию ребенка, такие бывают, конечно, но довольно редко. Ника не успела понять, каков именно Дмитрий.

– И с кем же остался твой Максимка? – спросил он, и Ника отметила, что Рощин назвал мальчика по имени, а не «ребенок» или «сын».

– С моими друзьями. Там живет моя близкая подруга, у них нет своих детей, и они всегда помогают мне с сыном. Ну, и дедушка Максима там живет.

– Твой отец?

– Нет, мой отец живет в Москве, удачно женат и растит двоих детей – приемную дочь и собственного сына. И они ему куда ближе, чем я.

– Послушай, а ведь у меня примерно то же, – вдруг улыбнулся Рощин. – Отец ушел из семьи, когда мне было четырнадцать, женился на женщине с ребенком и теперь считает сыном не меня, а Антона. Но мне исправно звонит раз в неделю – узнает, как дела.

– А мой, кажется, даже не знает, что я уехала и что вернулась.

Они рассмеялись. Рощин снова взял Никину руку, осторожно пощупал травмированное запястье:

– Больно?

– Почти нет. Обидно, что левая рука, работать могу очень ограниченно – я же левша, а писанины хватает, – пожаловалась Ника.

– Я тебе гимнастику покажу, будешь делать – станет легче. Ты не замерзла?

– Я бы чаю выпила горячего, – призналась Ника, поежившись – на Москву опустился вечер, стало прохладнее, и даже ветровка Рощина уже не спасала.

– О, так что же мы сидим? Пойдем скорее в кафе.

Дмитрий поднялся и подал Нике руку, помогая встать. Они пошли по аллее к выходу с территории ВДНХ, и Стаховой вновь показалось, что в спину ей упирается тяжелый чужой взгляд.

– Алло, это я. Гулял сейчас по ВДНХ с твоей журналисткой.

– Ну?

– Что – ну? Свидание у нее.

– С кем?

– А шут его знает – мужик какой-то. Похоже, что это первое свидание, ха-ха-ха.

– Что смешного?

– Ну как? Она не юная дева уже, а всю дорогу краснела и глазки в пол опускала. Говорят, у нее с Гавриленко был роман? Не знаешь, правда или нет?

– Не знаю. И тебе в это углубляться не советую. У тебя вполне четкие указания – следить, чтобы она в дела «Нортон» не совалась и с людьми оттуда не контактировала. Это все.

– Я понял.

Глава 9

Журналист с амбициями

Гордыня рано или поздно приведет к поражению.
Японская пословица

– Слушай, мать, а что это тобой наш куратор заинтересовался?

Этим вопросом встретил Нику с утра Тихонов. Она отчаянно опаздывала – засиделась за статьей, потом позвонила в скайп Ирина, и они долго разговаривали, а в довершение еще и будильник отказался исполнять свои обязанности. В общем, Стахова была не в настроении, а тут Саныч на лавке с сигареткой и странным вопросом.

Ника перевела дух, села рядом и тоже вынула пачку:

– Извини, я проспала.

– Можешь не торопиться, в новостном компьютерщики что-то делают, рабочего места все равно пока у тебя нет.

– А... как же статья? Сегодня же должна выйти, я еще не все закончила.

– У меня посидишь, доделаешь, мне все равно пока комп не нужен. Так что там с куратором-то?

Ника закурила и нахмурилась. Ни о каком кураторе она понятия не имела, даже не была знакома.

– А кто это?

– Вересаев некто, представитель инвестора. Говорят, сильно возражал, когда Федя ему твою кандидатуру представил. С чего бы? – Тихонов щелчком отправил окурочек в урну. – И сегодня с самого утра у меня спрашивал – как ты, что ты, какие темы берешь. Он ни о ком таких справок не навел, вот я и подумал, что вы знакомы.

– Знать не знаю, кто это, – пожала плечами Стахова.

– Тогда вообще непонятно, – задумчиво проговорил Тихонов, – с чего бы он так вдруг заелозил. Попросил сделать ему подборку всех твоих статей, что были на «Галактике».

– Странно...

– Да, странно... – Тихонов встал. – Ну что, идем? На летучку опаздывать не стоит.

После летучки Ника перебралась в кабинет Тихонова и устроилась за компьютером. Атмосфера не располагала к работе – это Стахова ощутила сразу же, едва зажегся экран монитора. Она сперва рассматривала флаги за спиной Тихонова, потом перевела взгляд на заклеенную объявлениями дверь – это кто-то из журналистов приносил сюда коллекцию забавных текстов объявлений, которые снимал со стен и столбов в городе.

– Нет, у тебя невозможно сосредоточиться, – пожаловалась она вошедшему Тихонову, – столько интересного кругом.

Тот невозмутимо уселся за стол и потянулся к кофеварке:

– Это поначалу интересно, потом привыкаешь и уже не видишь ничего.

Тут дверь распахнулась, и в кабинет ворвался Лешка Цепляев – один из ведущих журналистов «Галактики».

– Я не понял – кто из вас завернул тест Валевски? Ты?

– Здороваться не учили тебя? – поинтересовался Тихонов, наливая сливки в кофе.

Цепляев сухо кивнул Нике и, подойдя к столу Тихонова, уперся в столешницу кулаками:

– Так ты не ответил.

– Допустим. И что?

– А то! Я же просил – лояльно отнеситесь!

– Да она же пишет как бык нассал – ни остроумия, ни слога, один грохот струи в ведро, – на этой фразе Ника едва сдержала смех, но в тоне Саныча не было ни намека на юмор.

Цепляев, успевший сесть в придвинутое кресло, даже задохнулся:

– Ну, это, знаешь!.. Хотели же вы Пиргородову взять.

– Слушай... у Пиргородовой хоть дивное свечение безумия в текстах было, а тут? Помесь фени с потугами на гламур. Да еще эти вечные англицизмы и американизмы в тексте – ну, стошнит править! – Тихонов поморщился и взял сигарету. – И вообще... Ну, не сможет она актуальное писать, нет у нее чутья никакого. Ты вот Нику возьми – у нее же мозг работает как часовой механизм, она все время нос по ветру держит. А эта твоя Валевска – фу, кстати, что за фамилия еще? Псевдоним-с?

Цепляев пожал плечами:

– А чем тебе не нравится? Нашла девочка польские корни, играет в пани. Тебе жалко?

– Мне фиолетово, – сообщил Тихонов, со вкусом затягиваясь сигаретным дымом, – но ты можешь обижаться, конечно, я ее не возьму.

Цепляев, посидев пару минут, оттолкнулся от стола и, отъехав на кресле до двери, встал и взялся за ручку:

– Хорошо. Я к Феде пойду.

– Иди, – смиренно кивнул Тихонов, – только Федя с тобой вообще разговаривать не станет. Это он мне запретил ее брать, если уж начистоту.

Цепляев замер:

– То есть Федя читал?

– Читал. Он всегда тестовые сам читает.

– И сказал – не брать?

– Я как-то не так объясняю? На прежней работе не жаловались.

На прежней работе Тихонов трудился учителем истории в школе на одной из окраин Москвы, обучал старшие классы и умудрялся поддерживать дисциплину почти военную и даже выдавать к концу года неплохие результаты по предмету.

– А вы не боитесь с Федей, что я тоже уйду? – тихо произнес Цепляев, глядя на Тихонова в упор.

– Леша, – усталым учительским тоном проговорил Тихонов, – ты же не маленький, да? Ты кого решил шантажировать? Нас с Федей? Ну, продолжай. Тебя и сюда-то брать не хотели, такая у тебя блестящая репутация, и ты теперь нас же решил укунить? Федя тебя перед инвестором отстаивал, доказывал, что ты хороший журналист...

– А я хороший журналист! – огрызнулся Цепляев. – И вы с Федей это знаете!

– Так почему же тебя, хорошего такого, никто не знал и брать никуда не хотел? Не потому ли, что кроме понтов и скандалов, ты ничем больше и не знаменит?

– Ну, знаешь! – еле выдохнул покрасневший от злости Цепляев и, не сказав больше ни слова, выскочил за дверь.

Ника, ставшая невольной свидетельницей этого разговора, уткнулась в монитор, надела наушники и постаралась сделать как можно незаметнее. Обычно Тихонов после подобных сцен вскакивал, начинал метаться по кабинету и орать, изрыгая мат и проклятия, и слушать это Ника совершенно не хотела. Однако, к ее удивлению, сегодня ничего не произошло. Тихонов подошел к ней, аккуратно снял наушники и произнес негромко:

– Ника, поговори со мной, пожалуйста.

Стахова отодвинулась от стола и подняла на Тихонова глаза:

– О чем, Сан Саныч?

– Не знаю. Ну, хоть про Прагу расскажи, что ли. Не могу больше про работу, – жалобно проговорил Тихонов, сядя рядом. – Заколебали все – во! – он провел ребром ладони по горлу. – Притащил свою любовницу, она малолетка какая-то совсем без башки. Хочет писать про «светское общество»! Где оно у нас, общество это?! Где она его видела, мышь лесная?! Илона Валуевская, мать ее! Ты это слышала?!

– Ну, про «пишет как бык нассал» это ты загнул, конечно, – аккуратно заметила Ника, еле сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, – но слог действительно тяжелый, я видела пару ее статей.

– Это не называется словом «тяжелый», – вздохнул Тихонов, вертя в руках выдернутый из стоявшего на Никином столе стакана карандаш, – это просто мусор. Как его не присыпай сверху кристаллами Сваровски. И вообще – это не наш формат. Да и Федя не одобрил совсем...

– Тогда ты-то чего страдаешь? – участливо поинтересовалась Ника, дотронувшись до локтя Тихонова. – Боишься, что Цеplяев уйдет?

– Куда он уйдет...

– Тогда я вообще не понимаю. Ну, отказал – и отказал, всего-то... И мотив есть – «неформат».

– Ощущение противное, – признался Тихонов, – как будто что-то неприличное сделал. И Лешкино поведение мне не нравится в последнее время. Такое чувство, что он действительно хочет уйти, но не может найти достойный повод. Понимает, что его здесь пригнали и имя сделали, но появилось, видимо, что-то более интересное ему лично.

– Так, может, нет смысла его удерживать? Все равно ведь уйдет, если собрался.

– Не хочу быть к этому причастным.

– Да ты-то при чем тут? – недоумевала Ника. – Ты его не выгонял.

– Брезгливо как-то... человек был, по сути, никем, а теперь с нашей помощью оперился, стал кем-то – и все, возомнил о себе, возвысился, кладет на всех с перебором.

Ника видела, как сильно расстроен разговором с Цеplяевым Саныч, но никакого хорошего совета дать не могла. Цеplяев ей не нравился. С первого дня, как только она стала работать в «Русской Галактике», она прониклась к Алексею не то чтобы отвращением, но какой-то сильной, необъяснимой неприязнью. Раздражали его татуировки, которые он словно специально демонстрировал к месту и не очень, раздражала манера разговаривать, пренебрежительно снисходя до собеседника, цедить слова сквозь зубы. Кроме того, у Алексея был звонкий нюх на конъюнктуру – он мгновенно улавливал скандальные темы и тотчас хватался за них. Особых принципов, как поняла со временем Ника, у него не было: он мог сегодня похвалить кого-то, а завтра извлекать в грязи с тем же рвением. Когда его имя стало часто упоминаться в интернете, Цеplяев буквально заболел звездной болезнью, стал еще более невыносим в общении, высокомерен и заносчив. Стахова старалась вообще не пересекаться с ним по возможности. Разумеется, она не могла понять причин, по которым сейчас так убивался Тихонов. Уход Цеplяева из «Русской Галактики» сайту урона не нанесет – разве что сам Алексей начнет с остервенением лить грязь на бывших работодателей. Да и то – кто сейчас обращает на это внимание?

– Так ты будешь мне про Прагу рассказывать? – с грустной улыбкой спросил Тихонов. Ника улыбнулась в ответ:

– Ты бы лучше сам туда съездил.

– Будет время – съезжу, если приглашаешь.

– Приглашаю, – кивнула она.

– Нет, ты подумай! – вдруг снова завелся Тихонов, с хрустом сломав в пальцах карандаш. – Кто его знал до «Галактики»? Скандалист из «Твиттера»! Майки с «пуськами» с Тря-

пичниковым носили – вот и все! А теперь только введи в поисковик – Цепляев то, Цепляев это, но ведь все только в контексте «Русской Галактики»! И он нас же уходом шантажирует!

– Саныч, не рвись ты так, – попросила Ника, осторожно отбирая у него обломки карандаша и бросая их в ведро под столом, – никуда он не уйдет. А если уйдет – ну, сам дурак. Таких денег он нигде не заработает.

– А ему что – семью кормить? Живет в свое удовольствие, квартиру сдает, снимает меньшую плюс родители у него обеспеченные.

– Я слышала – он с ними не ладит?

– Они с ним. Да это не суть... Я просто не могу понять, как люди умудряются так быстро забывать сделанное им добро?

Ника поняла, что Саныч «встал на рельсы» – так называли в редакции манеру Тихонова, заиклившись, говорить на одну и ту же тему продолжительное время. Она решительно встала, щелкнула кнопкой чайника и взяла со стола Тихонова его чашку:

– Давай чайку выпьем.

– Давай, – вяло согласился он.

– Интересно, до завтра компьютер мне продиагностируют или нет? – попыталась перевести разговор Ника, укладывая в чашки пакетики с заваркой.

– Естественно. А тебе у меня плохо, что ли?

– Не хочу тебе мешать. И потом – негоже журналисту делить кабинет с замом главреда, – улыбнулась она, – слухи пойдут.

Тихонов удивленно уставился на нее:

– Ты будто не знаешь, какие слухи уже идут?

– А какие? – насторожилась Ника.

– А что я сюда свою любовницу вожу, – рассмеялся Тихонов, принимая из рук Ники чашку, – так что ты можешь не опасаться за свою репутацию, она не пострадает. Хотя... наши забавники могут запросто сказать, что я тут групповухи устраиваю.

– Сатанинские оргии, – хохотнула Ника, в душе сильно удивленная словами Тихонова – подобные слухи до нее не доходили.

– И их можно, – согласно кивнул он. – Ты сейчас над чем работаешь?

– Цены на недвижимость в Италии и Новой Москве.

– Дурдом, – пробормотал Тихонов, отставляя чашку, – ты никогда не думала в новостники перейти, например?

– Мне неинтересно.

– А недвижка – интересно? И расследования эти?

– Я в этом разбираюсь.

– Слушай, а тебе не приходило в голову покопаться в заголовках у нашего инвестора? – вдруг, понизив голос, спросил Тихонов.

– Зачем? – с недоумением отозвалась Ника.

– Ну, зачем-зачем... мало ли... пригодится когда-нибудь, – туманно ответил он. – Тем более раз ты разбираешься...

– Ты думаешь, там что-то не так?

– Пойдем, покурим, – Тихонов встал и сунул в карман пачку сигарет и зажигалку.

Ника, поставив кружку, сделала то же самое. Она догадалась, почему вдруг Тихонов собрался курить на улицу – поговаривали, что «Нортон» прослушивает своих сотрудников.

На улице, отойдя от здания на приличное расстояние, Тихонов закурил и продолжил начатый разговор:

– Ты вообще в курсе, чем занимается наш инвестор?

– В общих чертах.

– А вникнуть в частности ты не хочешь?

– Я не могу понять зачем, – Ника поежилась от внезапно налетевшего ветра и встала так, чтобы ей не дуло в лицо.

– Мне кажется, что там не все в порядке. А иметь компромат на того, кто платит тебе деньги, всегда неплохо.

– И не всегда безопасно, между прочим.

– Ты чего-то боишься? – удивился Тихонов. – Никогда бы не подумал.

– Представь себе – боюсь. Боюсь, что откопаю что-то такое, о чем сильно пожалею, – призналась Ника, выбрасывая окурок.

– А тебе приходилось откапывать что-то, а потом жалеть?

Ника умолкла. Никто в редакции не был в курсе сложных перипетий ее прошлой жизни, она никогда не говорила об этом, не хотела откровенничать – да и не с кем было. И сейчас, когда Тихонов задал вопрос, она тоже не стремилась пускаться в плавание по волнам памяти – это причиняло боль.

– Ты же читал мои статьи, – только и сказала она, отворачиваясь, чтобы Саныч не видел, как ее глаза стали блестящими и влажными.

– Ну, читал – что с того? В деле «Изумрудного города» ты хорошо покопалась, спору нет. Но последствий для тебя-то не было? – Тихонов взял новую сигарету, а Ника вдруг почувствовала, как ее охватывает раздражение:

– Тебе обязательно надо лезть под кожу? Я не хочу говорить на эту тему – ни с тобой, ни с кем-то еще, неужели непонятно?

Тихонов сперва оторопел, потом пожал плечами и произнес:

– А орать-то зачем? Удивительно, как с такой нервной системой ты ухитрилась такое расследование замутить.

– Если бы ты знал, ради чего я это замутила, как ты выразился, то больше не задавал бы вопросов, – огрызнулась Стахова.

– Так перестань загадывать загадки и расскажи, – спокойно посоветовал он. – Я по натуре человек любопытный и дотошный, как все бывшие педагоги, пока до истины не докопаюсь – не успокоюсь.

И Ника поняла, что легче будет один раз выложить все настырному Тихонову, чем в каждом последующем разговоре наткаться на одни и те же вопросы.

– У меня сын от Гавриленко, владельца «Изумрудного города», – вздохнув, сказала она, глядя под ноги. – Максим погиб, даже не узнав о том, что он должен родиться. А я знала, что его убили.

– Убили? Вроде там авария была, разве нет?

– Не совсем. Авария была – но ее организовали. И я знала, кто это сделал. Не думаю, что ты, например, обладая такой информацией, смолчал бы.

Тихонов задумался, глядя куда-то поверх Никиной головы, что было довольно непросто – ее рост несколько превышал рост самого Саныча. Стахова закурила еще одну сигарету, чувствуя, как першит в горле – в Праге она столько не курила.

– Н-да... – протянул он наконец, – сильно... Кто еще об этом знает? Я имею в виду – у нас, в редакции?

– Только Федя.

– Ну, из Феди, понятное дело, не вытянешь. Больше никому не говори – ну их к черту, балаболов. – Тихонов поежился: – Тебе не холодно? Ветер что-то поднялся.

Ника пожала плечами – ей было жарко, как, впрочем, всякий раз, когда она заставляла себя рассказать кому-то хоть часть своей истории. Сейчас, стоя на ветру в трикотажной полосатой водолазке и легких джинсах, она совершенно не чувствовала ветра, который крутил вокруг них с Тихоновым какие-то бумажки, обрывки сигаретных пачек и пустые стаканчики

из-под йогурта – некоторые из журналистов имели нехорошую привычку бросать тару там же, где опустошали ее.

– Саныч! Ника! – оба повернули головы – к ним, спотыкаясь, бежала Лена. – Вас ищут там!

– Что случилось?

– Сейчас Луцкого полиция забрала!

– Не понял... – протянул Тихонов, вставая и помогая подняться Нике.

– Он к нам приехал зачем-то, и тут – хоп! – полиция. Наручники надели – и увезли, – запыхавшись, выпалила Лена.

– Кто это? – спросила Стахова, и Тихонов, покачав головой, ответил:

– Это один из инвесторов. А обвинение какое? Или просто задержали? – повернулся он к Лене, которая нетерпеливо подсакивала на месте.

– Говорят, жену его нашли дома мертвой. А его подозревают в убийстве.

Тихонов больше ничего не сказал, только потер лысину и, прихрамывая, отправился к крыльцу.

Глава 10

Личная жизнь инвестора

*В супружеские ссоры третьим не приходят.
Японская пословица*

Сотрудники редакции, видевшие, как задержали одного из инвесторов, были слегка подавлены. Не каждый день человека с таким именем и деньгами, как у Луцкого, заковывают в наручники и увозят в сопровождении конвоя. Журналисты переговаривались между собой, строили разные версии, и совершенно ни у кого не наблюдалось желания работать. Тихонов, поняв, что сегодня ему уже не удастся собрать команду и заставить что-то написать, махнул рукой и отпустил всех, сказав, что материалов достаточно, чтобы закрыть все полосы:

– Все равно от вас толку ноль. Ника, ты мне pomoжеш закончить?

– Помогу.

Стахова оказалась единственной, кого задержание Луцкого никак не впечатлило – она его не знала, разве что фамилию слышала прежде, когда еще работала в «Столичном хроникере» и писала статьи о недвижимости. Луцкий занимался строительством в Новой Москве, но Ника не могла припомнить, чтобы слышала что-то о его личной жизни – только о деловой.

– Слушай, Саньч... а чего все с такими лицами ушли? Он что – человек хороший, Луцкий этот? – спросила она у Тихонова, когда все разошлись и в редакции стало тихо.

Тихонов, яростно выстукивая пальцами по клавиатуре, бросил:

– Человек он нормальный. А жена у него – та еще штучка... Ты вообще слышала о нем хоть что-то?

– Знаешь, так странно – вроде все – и ничего одномоментно. То есть я знаю, кто он и чем занимается, но больше ничего – а у меня ведь в свое время было досье практически на каждого крупного строительного воротилу в этом городе, – сказала Ника, покручивая в пальцах карандаш.

Тихонов оторвался от работы и внимательно посмотрел на Стахову:

– Другими словами, ты не в курсе его личной жизни?

– От слова «совсем», – подтвердила она, – а что? Там есть что-то интересное?

– У каждого человека в жизни есть что-то интересное, если в ней как следует покопаться. А уж в жизни такого человека, как Сергей Луцкий... – туманно ответил Тихонов и снова погрузился в редактуру. Спустя десять минут он перестал терзать клавиатуру и произнес, в упор глядя на Нику: – И будь я любителем расследований, я бы это не упустил.

Высказавшись, он выключил компьютер, встал и, чуть прихрамывая, вышел из кабинета.

Ника закончила свое, посидела еще пару минут в кресле, стараясь отогнать от себя то, что услышала от Саньча, но это никак не удавалось. «Странные разговоры он со мной сегодня заводил, – размышляла Стахова, застегивая сумку и собираясь уходить. – То про внутренние дела инвесторов – мол, неплохо бы компромат иметь, теперь вот про личную жизнь Луцкого... Ему-то это зачем? А мне? Я до сих пор расхлебываю то, что уже на расследовала, куда мне снова лезть?»

Мысли путались, решения не было, и всю дорогу до метро Ника не могла понять, какие чувства кипят в ней. С одной стороны, совершенно не хотелось лезть туда, куда никто не приглашал, но с другой... Раз все так удручены арестом Луцкого, стало быть, что-то в этом есть. И, возможно, будучи человеком посторонним и незаинтересованным, Ника сможет распутать этот узел?

«Брось, Стахова, забудь об этом, – уговаривала она себя, сидя в вагоне. – Ты только устроилась в хорошее место, занимаешься тем, что любишь, сын у тебя, в конце концов! Зачем тебе этот Луцкий и его мертвая жена?»

По дороге от метро Ника зашла в супермаркет – дома не было молока, она это хорошо помнила. Толкая перед собой непонятно зачем взятую тележку, в которой болталась бутылка молока, она вдруг зацепилась взглядом за что-то знакомое – это оказался брусничный свитер Филонова. Федор стоял в мясном отделе и выбирал курицу. Стахова от неожиданности остановилась. Даже в профиль было видно, что лицо Федора отечно, а рука, потянувшаяся к продавцу за покупкой, покрыта ярко-красными пятнами – аллергия. Филонов положил упаковку с курицей в тележку и в этот момент увидел Нику.

– Вероника? А ты как здесь?

– Да вот, за молоком зашла... Как ты себя чувствуешь?

– Как видишь... распух весь, жена тоже приболела, пришлось самому в магазин.

– Ты что же – живешь здесь?

– Да, практически в соседнем доме.

– Надо же... – протянула Ника, – а я и не знала. А я прямо в этом живу.

– В этом? – переспросил Филонов. – Снимаешь?

– Да. Я же не москвичка, нет у меня здесь недвижимости, – улыбнулась она.

– Значит, мы соседи почти, – Филонов толкнул свою тележку, – я и не знал.

– Да я тоже не знала.

– Ну, как там в редакции? Тихонов что-то не звонил еще, – спросил Филонов, продвигаясь в хлебный отдел.

Ника пошла за ним, чувствуя, как дразнит ноздри запах свежей выпечки. «Вот черт, сейчас ведь куплю и нажрюсь, – печально подумала она, в то время как рука безвольно взяла со стеллажа хрустящий теплый батон с чесноком. – Да и черт с ним».

– Нормально все... было, – выдавила она с запинкой, – пока Луцкий не приехал, а за ним следом – полиция.

– Полиция? – удивленно повторил Филонов, останавливаясь. – Зачем?

– За Луцким. Его прямо из редакции и забрали.

Филонов пригладил волосы, потер щеку, потом потряс головой, словно стараясь вытряхнуть полученную информацию:

– Ничего не понял. Луцкого задержали? За что?

– Говорят, подозревают в убийстве жены.

– Чушь какая-то... – пробормотал Федор. – Они с женой давно вместе не жили, с чего бы ему ее убивать?

– Не жили? Тогда странно... – протянула Ника, поглядывая на булочки с марципаном и корицей.

– Вот-вот...

Справиться с собой не удалось, и Стахова малодушно опустила в тележку три булочки, а заодно и пару пирожков с капустой. «Ну, что за характер? Почему нельзя взять и выложить все обратно? Ведь нажрюсь же! И даже на завтрак не оставлю – так и буду в кухню шастать, пока все до крошки не съем!» – Ругая себя, Ника шла вслед за Филоновым к кассе. Уже рассчитавшись, Федор дождался ее, и они вышли на крыльцо вместе.

– А ведь действительно странно, да? – задумчиво проговорил Федор, глядя поверх Никиной головы. – Луцкий зачем-то приехал к нам – и тут же полиция появилась. Разве они могли знать, где он будет? История тянет на детектив, тебе не кажется?

Ника только вздохнула. Она уже отлично знала, как именно проведет сегодняшний вечер и, возможно, часть ночи.

Глава 11

Детективная история

*Сплетен хватает ровно на семьдесят дней.
Японская пословица*

Интернет, к ее удивлению, пестрил фотографиями жены Луцкого – высокой стройной шатенки с ослепительно-открытой улыбкой. Так не улыбаются записные красавицы с фарфором во рту, эта улыбка – естественная и располагающая, с такой женщиной мгновенно хочется общаться, слушать, что она говорит, смеяться ее шуткам. Среди жен олигархов, по Никиному разумению, такие женщины были редкостью. Можно сказать, что Наталья Луцкая являлась как раз таким исключением. Все, что смогла найти о ней Ника, было только положительным – ни в каких скандалах дама замечена не была, слишком напоказ свою жизнь не выставляла, не имела акаунта ни в каких соцсетях и не забрасывала интернет-пространство снимками каждого своего вздоха, как часто делают другие представительницы этого круга. Единственное, что удалось выяснить, так это то, что Наталья любила бриллианты и владела неплохой и довольно редкой их коллекцией. Там были не просто украшения с камнями, а именно сами камни – редкие, немалой цены. Но никаких фотографий опять же не имелось – все это были лишь комментарии подруг и высказывания дамы-ювелира, через которую Луцкая приобрела большую часть коллекции.

– Странная тетка какая-то, – пробормотала Ника, сжимая пальцами переносицу и дотягиваясь до стакана с молоком, – другая на ее месте уже бы триста фотографий выложила, а эта, видно, умная – понимает, что в интернете полно охотников до чужого добра. Так и воров на квартиру навести недолго. Хотя вряд ли она их дома хранила... Я бы точно сейф арендовала – так надежнее.

Она встала из-за стола, размяла затекшие ноги и вышла на балкон. Хотелось курить, но валявшаяся тут же на столике пачка оказалась пуста, и Ника выругала себя за забывчивость – была в магазине и не подумала о сигаретах.

– Л-ладно, – мстительно сказала она, входя в кухню, – не купила сигареты – тогда жри, не пропадать же добру.

От купленной выпечки остался только один пирожок, вот его-то Ника и съела, запивая молоком прямо из бутылки. Мысль о коллекции бриллиантов Луцкой почему-то прочно засела в голове и не желала оттуда исчезать.

– Дались мне эти камни, – пробормотала Стахова, снова садясь за ноутбук, – ну камни и камни... кто-то картины коллекционирует, а кто-то – бриллианты, у каждого разные возможности... Но почему, почему я никак не могу отделаться от мысли об этих камнях?

От напряжения заболела голова, и Ника, чтобы не усугублять, выпила таблетку и легла. Стрелки на часах приближались к половине пятого, и спать осталось всего ничего.

Неприятности начались с самого утра. Проспавшая Стахова не удосужилась выглянуть в окно, а потому оказалась на улице без зонта, в тонком комбинезоне и босоножках – прямо среди луж и мелкого морозящего дождя. Возвращаться не хотелось, однако перспектива простудиться и слечь как-то не радовала, потому, вздохнув, Ника открыла подъездную дверь и пошла к лифту. Наскоро сменив неподходящую одежду и обувь на джинсы, рубашку и кроссовки, а также прихватив зонт и ветровку, она снова вышла на крыльцо. Бросив взгляд на часы, поняла, что непременно опоздает, и хорошо, если летучка будет не у Тихонова, а у Филонова. Хотя, если судить по вчерашнему виду Федора, вряд ли он приедет на работу.

На всякий случай Ника позвонила Тихонову и сказала, что немного задержится. Тот поворчал, но разрешил. Такие вольности себе обычно позволяли в редакции почти все, кто не боялся ненароком вывести из себя Саныча. Тот всегда долго терпел подобное разгильдяйство, однако потом мог взорваться и начать орать на таких децибелах, что виновнику долго не хотелось опаздывать. Филонов в этом смысле был более лоялен, делал скидки на то, что многие далеко живут, и на прочие мелочи. К сожалению, этим часто пользовались не особо добросовестные сотрудники редакции. Но и тут на сцену выходил Тихонов со своей знаменитой палкой. Когда-то давно он попал в серьезную аварию и теперь иногда был вынужден пользоваться палкой для опоры – когда искалеченная нога давала о себе знать. Эту же палку он использовал в качестве аргумента в разговорах – хотя ни разу, разумеется, не применил. Но Ника почему-то не сомневалась, что может...

В метро было душно, людской поток сразу подхватил Стахову, и она едва успела встроиться в ту колонну, что двигалась в нужном ей направлении. Ее буквально внесли на эскалатор, точно так же переместили на платформу, а затем затолкали в переполненный вагон. «Обожаю это ни с чем несравнимое чувство товарищеского локтя в районе собственной печени, – подумала Стахова, стараясь отвернуться от стоящего вплотную похмельного джентльмена. – Как же ты надрался-то вчера, любезный... Умереть же от выхлопа можно». Тот, видимо, углядел брезгливое выражение, мелькнувшее на Никином лице, и пробормотал: – Пардон, мадам. Вынужден отравить атмосферу, ничего не поделаешь.

Ника закрыла глаза, давая понять, что к диалогу не готова. Поездки в редакцию утомляли – прежде Стахова жила наискосок от места работы, специально снимала квартиру с таким расчетом, чтобы как можно реже оказываться в метро. Но в этот раз не случилось. Она в душе надеялась, что рано или поздно Филонов разрешит ей работать удаленно или хотя бы иметь всего пару-тройку присутственных дней, но пока даже заговаривать об этом было рано. «Ничего, потерплю», – думала она, сцепив зубы и стараясь не обращать внимания на тычки и посторонние прикосновения. Наконец ее вынесло толпой на станции «Марьина Роща», и Ника с облегчением двинулась в редакцию, не обращая внимания даже на усилившийся дождь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.